Поколение XYZ

Мануэла Гретковская

Мы здесь эмигранты
Парижское таро

Париж – это смешно!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Париж. Бесшабашная голодная богема, нищие эмигранты… Студия в мансарде, под самой крышей. Романтика и гротеск, эротика и юмор, лабиринт судеб и ситуаций, мистика колоды таро…

- Мануэла Гретковская
  - Осень 1988
  - Зима 1988
  - Весна 1989
  - Май 1989
  - Сентябрь 1989
  - Октябрь 1989
  - 5 октября
  - 6 октября
  - 8 октября
  - 10 октября
  - 14 октября
  - 17 октября
  - 20 октября
  - 30 октября
  - 4 ноября
  - 7 ноября
  - 8 ноября
  - 12 ноября
  - 15 ноября
  - 17 ноября
  - 20 ноября
  - 21 ноября
  - 24 ноября
  - 1 января 90
  - 10 января
  - 17 января
  - 7 февраля
  - 16 февраля
  - 20 февраля
  - 25 февраля
  - 10 марта
  - 16 марта
  - 7 апреля
  - 1 июля
  - 2 июля

- 3 июля
- 6 июля
- 8 июля
- 9 июля
- 10 июля
- 11 июля
- 11 июля
- 12 июля
- 13 июля
- 14 июля
- 22 июля

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32

- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47

Мануэла Гретковская
Мы здесь эмигранты

Моей жене

Осень 1988

Мабийон. Обеды для студентов. Самая вкусная станция метро. По эскалатору медленно вверх, потом – неспешное продвижение в очереди; на поднос ставятся салаты, закуски, изящный графин с водопроводной водой из Сены, десерты, и еще десерты, пока повар в исполинском белом колпаке не тыкает половником в мой подносик.

– Mademoiselle, qu'est-ce c'est?[1]

Понятно, что я взяла слишком много, но как выбрать между шоколадным десертом и банановым? Нет, не отдам.

– You are wrong, monsieur.[2]

– Porquoi?[3]

– I'm madame, no mademoiselle.[4] – Я машу у него перед носом обручальным кольцом.

Повар рассмеялся – и шлагбаум половника уже опускается на другой поднос. Берут за такой обед десять франков, а цена ему, видать, и того меньше. За окном развевается французский флаг – какой еще флаг станет развеваться за такие деньги? А я, между прочим, за десять франков должна не только ходить, но и думать. Думать хотя бы о том, почему я не стала несколько недель назад немецкой репатрианткой. Бумаги у меня в порядке, как у любого с левой стороны Вислы – какой-нибудь дедушка или дядюшка в Вермахте. За документ, подтверждающий немецкое происхождение, сходит даже свидетельство о прививке, выданное до 8 мая 1945 года. В Западном Берлине есть бюро с картотеками Вермахта, и после проверки аутентичности бумаг попадаешь в категорию репатрианта: пособие, жилище и все такое.

Размышляя над своими немецкими корнями, я вспоминаю одного дальнего родственника, у которого была фабрика в Лодзи, а еще у него был сын. После сентября тридцать девятого этот сын стал эсэсовцем. Они уехали – мягко говоря, на самом-то деле сбежали – в начале сорок пятого года. Другая часть семьи, не связанная с лодзинскими фабрикантами, уехала в шестьдесят восьмом. Стало быть, с таким же успехом я могу быть еврейкой. Младшее поколение, или я, уехало в восемьдесят восьмом. Это не был год преследования поляков. Это просто был очередной год в ПНР, и я пришла к выводу, что еще один год на родине мне не пережить. Только и всего.

Но мне неохота становиться немкой и объяснять всем, почему я так плохо говорю по-немецки, а плохо я говорю потому, что еще в детстве меня преследовали на улицах Торуни за речь отцов и дедов. Если во Франции жить не смогу, если будет тяжко,

переберусь в ФРГ.

И я уже стара, чтобы учить иврит и становиться еврейкой. Кроме того, я верую в ложного мессию и – увы! – внешность унаследовала от арийских предков. Что в еврейки я не гожусь, говорил еще Анджей. Специалистом в этом вопросе он стал по чистой случайности. Анджей приехал в Австрию в начале ноября. Пролежал несколько ночей на газоне у какого-то лагеря, куда не пускали поляков. Другого такое ожидание, может, и утомило бы, но Анджею газон заменял больничную койку, поскольку он приехал больной, с температурой под сорок – осложнение после удаления зуба, – и ему было без разницы, обворуют его ночью арабы или вышвырнут поутру с газона полицейские. Через несколько дней этого альпийского «давоса» он выздоровел настолько, что вспомнил о такой организации, как Международная Амнистия, которая некогда внесла его в список своих подопечных. Еще через несколько дней он получил номер в отеле и мирно ждал билет в Канаду. В Вене он встретил шахтеров из Силезии, которые настолько отчаялись от безденежья, что решили записаться в израильскую армию, потому как слышали где-то о наборе. Анджей знал английский и был делегирован в израильское посольство для согласования условий приема, или – на военном жаргоне – вербовки новой силы. Силезцы терпеливо ждали у посольства, пока негодующий израильский дипломат объяснял Анджею, что израильская армия – национальная армия, а не Иностранный легион. Но если эти господа – евреи, то…

– Нет, к сожалению, не думаю. Они не похожи на евреев.

Однако дипломат все же посмотрел из-за занавески на незадачливых волонтеров и подтвердил слова Анджея.

– Действительно. Что ж, очень жаль…

Так вот, Анджей тоже пришел к выводу, что без солидных документов, по одной только внешности, еврейкой мне стать трудно.

Видно, некая высшая сила хотела, чтобы я не слишком засиживалась в Париже. Она возвестила об этом письменно и подбросила мне весточку в один прекрасный ноябрьский день. Я шла по бульвару вдоль Сены, восхищаясь самым настоящим собором Парижской Богоматери и открытками на лотках букинистов. Среди картинок было несколько книг. Я полистала какие-то истлевшие книги девятнадцатого века и даже наткнулась на дивное издание Нострадамуса. Открыла пророчества на фрагменте, гласящем: «…огромный город с башней из металла развалится пополам…» Все считают, что Нострадамус имел в виду Париж с Эйфелевой башней, но можно ли столь покорно принимать приговор пророчества и готовиться к худшему? Надо

что-то делать или хотя бы подумать – подумать, что уже есть город с огромной телебашней на Александр-плац, город, развалившийся на Восточный и Западный Берлин. А стало быть, Париж спасен! Я уберегла Париж.

Успокоенная этим сенсационным открытием, я иду в метро, минуя блюзовый оркестр и девушку, играющую на флейте барочную музыку. Больше всего народу собралось вокруг негров, отбивающих зловещие ритмы на барабанах, ящиках и, кажется, даже на стенах метро.

– Как ты думаешь, зачем они так барабанят?

– Ну, ради денег, ради удовольствия.

– Нет, милая моя, только ради денег. Посмотри, кто их слушает, всего несколько человек белых, а остальные – негры. Потому что те, которые барабанят, барабанят, наверное, по коду и передают другим черным информацию, что сегодня, например, работу можно найти на Дюрок или что бананы дешевле всего на рынке Дюпле, а другие негры бросают им за это в шапку деньги. Сейчас будет моя станция, я выхожу, а ты идешь к посольству, да?

Ты-ты идешь на свидание с принцем, а я-ты к румынскому посольству посмотреть на манифестацию против Чаушеску. Знаю, что, как обычно, митингующих попросят переместиться от посольства на несколько улиц, что они тотчас и сделают. Фургон CRS[5] (в мае шестьдесят восьмого кричали CRS – SS) будет стоять для украшения, поскольку у полиции нет повода препятствовать группе пожилых людей, которые собрались покричать: «Чаушеску – убийца! Коммунисты – убийцы!»

У посольства было несколько поляков, среди них выделялся старший – почтенный господин, – державший польский флаг, украшенный надписями «Солидарность» и KPN.[6] Непонятно зачем он время от времени постукивал польским флагом о румынский, радостно выкрикивая: «Поляк с венгром – два братана!»[7] Рядом с поляками стояли синие кхмеры из Камбоджи, объяснявшие всем желающим, что они ничего общего не имеют с красными кхмерами, сторонниками Пол-Пота.

Когда митингующие стали скандировать: «Объединенная Европа без Москвы!» – русские женщины с транспарантом Российских Независимых Профсоюзов начали беспокойно оглядываться, не зная, то ли кричать то же, что и остальные, то ли сделать вид, что ничего не поняли.

Становилось темно и холодно, начался дождь. Я попробовала развеселить русских, крича им: «Freedom for Dracula!»[8] – но девушки были уже очень обижены. Они свернули транспарант и собрались идти домой. На их место пришла группа француженок с красивым флагом: белый крест на фоне анжуйских лилий. Под

самый конец мероприятия явились монархисты, но они держались в стороне от толпы, и потому трудно было разобрать, то ли это сторонники династии Бурбонов, то ли приверженцы графа Парижского.[9]

Уходя от посольства, я взяла румынско-французскую газетку с прелестным рисунком:

Больше ничего не помню.

Зима 1988

…чала ничего. Разбитая ваза. Она стоит, а потом вся в крови. На лбу рана, почти дыра. Кровь льется и льется. Смотрю на автомобиль – и ничего, никак не можем на нем поехать в больницу. Говорю ей: «Ложись или сделай что-нибудь, чтобы голова была пониже, тогда, может, кровь вольется обратно в эту дырку во лбу, потому что мы не можем на машине ехать, сегодня воскресенье, с нечетными номерами запрещено…» Но ничего нельзя сделать, кровь льется, а она все бледнее. Мы идем пешком через пол-Бухареста в больницу. Рана подсыхает, покрывается корочкой. Пока дошли, образовался такой струп, потом рубец. Большой рубец на лбу в форме буквы «С», как Ceauçescu – Чаушеску, и этот рубец из-за него, из-за него, из-за него.

– Успокойся, Константин, спокойно, ну же, спокойно. – Мы пытаемся втиснуть ему в руку стакан вина. Но Константин продолжает размахивать фотографией своей бледной черноволосой жены и тыкать пальцем в рубец у нее на лбу. Мы рассматриваем рубец, киваем: действительно, отчетливо различима буква «С».

Мы сидим на полу. Румыны, болгары, чех, поляки, вокруг все больше окурков, мы пьем чай, вино, и нам вместе так хорошо, спокойно. Никому не хочется выходить из этой темной комнаты общежития для эмигрантов – даже в коридор, где можно встретить камбоджийца, прекрасного, как питекантроп, вновь и вновь переживающего бомбардировку и свистом имитирующего атакующий самолет. Другой человек, на которого можно наткнуться в коридоре – наверное, бывший узник какого-то южноамериканского режима, – выхаживает кругами, как во время прогулки на тюремном дворе.

Итак, лучше оставаться в комнате среди своих и слушать Войтека, который уехал из Праги, потому что там «je život docela jednoduchý, ale duchovné je težky».[10] Все мы прекрасно понимаем, что этот «život» в Чехословакии «duchovné je težky», и никто не задает глупых вопросов, почему «je težky». А французы бы спрашивали. Они спрашивали даже румына Ковера, почему метро перестало ходить, их собственное парижское метро. Ковер ответил, что это забастовка, он в газете читал.

– Какая забастовка, авария, наверное, а не забастовка.

– Забастовка, – упорствовал Ковер.

– Э-э-э, да вы иностранец… Спросим, пожалуй, кого-нибудь еще.

Ковер почувствовал себя оскорбленным и заявил, что тупость

французов не оправдывают ни Французская революция, ни свирепствовавшие здесь некогда венерические заболевания. Они попросту тупы, и бессмысленно посвящать их в тайные пружины коммунизма, ежели они не понимают даже своей – такой простой и очевидной – демократии.

– Ведь они приняли меня за параноика, – говорит Ковер, – когда я им сказал, что землетрясение в Армении было вызвано искусственно. К чему усмирять республику с помощью Красной Армии, когда можно успокоить мятежников другими методами? Место и время стихийного бедствия подобраны так блестяще, что, размышляя логично, невозможно прийти к другим предположениям. Горбачев тогда уехал за границу, чтобы иметь возможность, если что-нибудь не получится, свалить все на твердолобых. А через несколько месяцев было землетрясение в ГДР и докатилось аж до Франкфурта-на-Майне. Очевидно ведь, что, с точки зрения геологии, это совершенно невозможно, поэтому через шесть часов гэдээровцы объяснили, что имела место серия неконтролируемых взрывов на калиевых рудниках. Но что может быть проще, чем тряхануть. Франкфурт и западные города во время войны?

Можно связать между собой и другие факты. На авиасалоне в Париже что-то испортилось в советском истребителе. Пилот катапультировался, самолет пролетел еще немного и взорвался. По телевизору эту аварию раз двадцать показывали, уже все запомнили, что российские самолеты, хоть и могут лететь без пилота, несовершенны и ломаются. И когда через месяц советский истребитель долетел до самой Бельгии, никто не удивился. Понятное дело: очередная неисправность, а никакая не проверка того, как Запад отреагирует на атаку русских.

Разумеется, Ковер был прав. Мы уже раз сто обсуждали русские истребители и землетрясение в Армении в бесконечных разговорах о политике, о коммунизме и о том, чем кончит этот мир – а в том, что все близится к концу, никто из нас не сомневался. Глупость и зло правят миром, а мы, нищие эмигранты, предчувствующие падение Запада, не можем найти работы. Работы в меру оплачиваемой, не изнуряющей… ну, в общем, работы. Увы, теплые места исчезают. Уже несколько веков не существует такой профессии, как croque-mort. Эта работа была, возможно, и не привлекательная, но выгодная и нетяжелая. Croque-mort кусал умершего. Хорошенько кусал его в пятку. Если укушенный покойник дергался – это означало, что он не покойник, если не реагировал, было ясно, что это не летаргия, а на веки веков вечный покой.

Вероятно, ремесло croque-mort требовало определенного

дара. Люди с даром себе работу всегда найдут, вот, например, Михал – человек одаренный, окончил Краковскую Академию изящных искусств и действительно блестяще пишет маслом. Он привез свои абстракции в Париж и пытался их продать в галереях, но у него не купили ни одного полотна. Тогда он выставил все свои работы около Сены и сидел так с ними неделю. И высидел всего двадцать франков – если не считать горестных мыслей о возвращении в Польшу. И тогда он увидел на уровне собственного носа лоснящуюся папку для бумаг в ухоженных, унизанных перстнями руках. Какой-то богач внимательно рассматривал его картины.

– Это вы писали? – спросил он, указывая на картину, где были изображены желтые пятна.

– Да, я художник.

– С дипломом хорошей школы? – продолжал расспрашивать богач.

– Самой лучшей.

– Тогда я вас покупаю.

Михал усомнился в своем французском:

– Как это – меня? Вы marchand,[11] да?

– Угадали, я торгую сыром. Лучшим в мире швейцарским сыром. Когда я смотрел ваши картины, мне пришла в голову мысль привлекать клиентов не вкусом, не цветом, не изысканной упаковкой – все это уже было, – но чем-то воистину утонченным: совершенством формы и композиции дырок в сыре.

Вот так Михал сделался дизайнером по дырам. Он поселился в Швейцарии. Зарабатывает роскошно, поэтому может себе позволить часто давать приемы. Устройство такого приема – это уже отдельное искусство, к нему у Михала дара нет. Ведь приглашая знакомых, необходимо помнить, что некоторые из них вегетарианцы, другие мясо едят, но только кошерное, третьи едят даже некошерное, лишь бы не свинину, а кто-то из этого самого общества обожает рульку.

Михал в таких тонкостях не разбирается, он покупает фрукты и мясо, исходя из того, чтобы было вкусно и качественно. Все равно самое главное – разговоры, даже те, что слышишь случайно. Я сидела в кофейне, рядом со мной две немки рассказывали друг другу историю: одна их знакомая поехала в отпуск во Францию, познакомилась там с очень симпатичным американцем. Великая любовь и все такое. На прощание он вручил ей пакет и попросил распечатать его только в Кельне. Она заглянула в пакет уже в самолете. В пакете была парочка дохлых крыс, связанных веревкой, и карточка: «Добро пожаловать в клуб СПИД».

– Неплохо, а? Представьте себе психику этого типа: развлекается с любовницей и знает, что через несколько лет она умрет, а может, перед смертью тоже отправит кому-нибудь крысиный привет.

– Прекратите, свинство какое – о крысах во время еды! – возмутился Даниэль.

– Если тебя мутит, то не из-за крыс, а потому, что ты ветчину ешь. Тебе это вредно, ты ее генетически не перевариваешь. Бери пример со своих предков и отставь эту нечистую пищу, Даниэль.

– Отвяжись, Яцек, ты говоришь, как раввин. Может, ты еврей?

– Нет еще.

– Что значит «нет еще»?

– Нет еще, потому что слышал о тех, кто уже стал евреем; Христофор Колумб, например. Одни считали, что он был генуэзцем, другие – что испанцем, а в итоге он стал евреем. И это даже, может, и правда. Его фамилия была Коломбо, или Голубь, а какую птицу выпустил Ной, когда искал новую землю для жизни? Ясное дело, голубя. У евреев каждое имя имеет свое значение. Но это философские рассуждения.

А факт тот, что Колумб был в каком-то там поколении marrano, выкрестом. Кроме того, достаточно увязать друг с другом очевидные события: Колумб отплыл на поиски Новой земли (будто точно знал, куда плывет, как если бы у него были карты, на которых обозначена новая Земля Обетованная) ранним утром третьего августа. А второго августа последние евреи по приказу римского цезаря вынуждены были покинуть Святую Землю. Случайность? Возможно – как и то, что двенадцатого октября 1492 года, или двадцать первого тишрей по еврейскому календарю, в шестой день праздника Суккот, а следовательно, в день Hochannach Rabah Колумб достиг острова. Как он его назвал? Очень просто – Hochannach означает «спаси нас», – а следовательно, остров называется Святой Спаситель – Сан-Сальвадор. Есть любопытное флорентийское издание «Писем об островах, открытых при короле Испанском» 1493 года. Иллюстрации к этой книге были выполнены согласно указаниям Колумба. Что увидел Колумб в открытой им Земле Обетованной? Дерево, очень странное дерево, напоминающее скорее семисвечник, или менору. На этой же иллюстрации изображен царь в мантии, украшенной ясно различимыми еврейскими буквами, и указывающий рукой не на запад, но на восток, туда, где находится Эдем, Земля Обетованная. Таинственный монарх, разумеется, не должен быть Давидом, из колена которого родился Мессия. Травы и растения у ног царя складываются в буквы «Шин» и «Хет». Интересно и облако, поднимающееся над деревом,

царем, травой. Выглядит это облако так:

И ассоциируется скорее с головой бородатого мужчины – на мой взгляд, это Моисей, – который держит каменные скрижали на фоне гор. Отчетливо видны нос, глаз, а в этих горах можно усмотреть и Сион, и Хеврон – кому что нравится. Из головы Моисея исходят как бы лучи, лучи Славы Божией. На лбу Моисея вовсе не рога, как у скульптуры Микеланджело. Нарисованы, изваяны рога, а не лучи, ибо еврейское «керен» означает как лучи света, так и рога; просто при переводе Вульгаты[12] совершили маленькую ошибочку, лучи заменили на рога. Возвращаясь к Колумбу, можно к…

Весна 1989

Самое интересное на французском телевидении – реклама, а особенно – попытки угадать, что рекламируют на сей раз. Если обнаженная девушка, блаженно растянувшись на персидском ковре, поливает себя духами, это не значит, что она впала в экстаз, нанюхавшись «Шанели № 5» или обтираясь о роскошный ковер. Эйфорию девицы вызвала прижатая к лицу мягкая, ароматная, прямо-таки нежная туалетная бумага. Если же показывают фрагмент из оперы Верди, то рекламировать скорее всего будут бифштекс с кровью. Почему? Не знаю, но это броско, ярко и неожиданно. Иногда даже с апокалиптическим юмором – избушку беглецов где-то в сибирской тайге окружают красноармейцы. Высаживают двери, окна, врываются даже через дымоход. Соль сцены – фраза: «Российский газ везде прорвется!» Мой знакомый, который уже давно живет во Франции, посмотрев эту рекламу, предположил, что скоро мы увидим, как Шагал расхваливает экскурсии в Чернобыль или на Беломорканал.

– Что ты говоришь! – удивилась я. – Ведь Шагал же умер…

– Ну и что, тем лучше, ему больше заплатят! И вообще выключи ты этот телевизор, он меня нервирует, и вообще вся Франция меня нервирует. Когда бы вся эта Франция была в Польше, вот тогда бы ее народ оценил. А так французы едят, пьют и думают только о еде и питье. Никаких проблем. Все как в этой рекламе – легко и бессмысленно. У одного священника даже возникла мысль: чтобы упростить французам жизнь, исповедоваться через «Минитель».[13] А еще кто-то надумал провести среди католиков референдум о возможности применения контрацептивов. Папа, естественно, на такой референдум не согласился, а эти подняли крик, что в Церкви нет демократии и что Церковь – тоталитарная. Но речь идет не только о религии, а обо всем. Я тебе скажу одну вещь, которую мало кто знает, хоть это и важная истина, самая важная, без которой не поймешь, что тут происходит. Видишь ли, если сравнивать Францию с Польшей, то Франция – страна с более низкой культурой, только на более высоком уровне развития. Поэтому поляки относятся к французам как к детям и в то же время восхищаются Францией. Понимаешь?

– Ага. Может, еще вина выпьешь? – Я пододвинула ему бокал.

– А какого?

– Какого хочешь, можно греческого, можно итальянского.

– Налей греческого, еще кое-что расскажу. Был я два года назад в отпуске, недалеко от Афин. Как-то вечером возвращаемся

мы с друганом в кемпинг. Идем вдоль шоссе. Из-за поворота выезжает раздолбанный мотоцикл и едет прямо к нам. Слезают с него два небритых татуированных типа в обносках. На моряков похожи. Нам интересно стало, на каком языке они заговорят, а они на чистом русском спрашивают, не поляки ли мы. Мы киваем, что, мол, да. Ну а они тогда спрашивают, нет ли у нас водки на продажу. Увы, не было уже. Они усомнились: «Вы паляки?» – «Ну, паляки, паляки, но водку всю выпили. Что вы тут делаете, не заблудились, случаем?» – «Как што, как? Мы здесь эмигранты», – с видом оскорбленного достоинства ответил матрос. Сели они на свой раздолбанный мотоцикл и уехали.

– Ты ведь не думаешь, что этим русским, которых ты встретил в Греции, так уж плохо? – спросила я. – Туда ездит много поляков, и эти ребятки всегда могут купить у них водку, когда ностальгия одолеет. У моего знакомого, мсье Вонга, совсем другие заботы. Ему пришлось бежать из Камбоджи, поскольку он был полицейским еще при принце Сианука и – хоть и говорит, что буддист, – делал коммунистам «тяп». Этот «тяп» мсье Вонг изображает, многозначительно проводя рукой по горлу.

Он вместе с сыночком пробирался сквозь джунгли в Таиланд. Из его группы спаслось только несколько беглецов – остальные нарвались на вьетнамские патрули или на мины. Однако, несмотря на нелегкую жизнь, мсье Вонг всегда улыбается, хотя как-то раз признался мне, что кое-что его печалит. Беда, сказать по правде, не столь уж велика, чтобы он перестал улыбаться, но проблема все-таки есть. Итак, мсье Вонг любит собак, а собаки во Франции очень дорогие. Я ему сказала, что могу попросить кого-нибудь, кто приедет из Польши, привезти песика: немецкую овчарку, пуделя или пекинеса. В Польше собаки дешевые, а дворнягу даже можно раздобыть бесплатно. Мсье Вонг был тронут моей отзывчивостью и спросил, большая ли собака дворняга, а то с маленькими всегда много хлопот. Я с ним согласилась, что у маленьких собак обычно бывает длинная шерсть и им приходится уделять больше времени. «Конечно-конечно, – поддакнул мсье Вонг, – такую шерсть выщипывать трудно». – «Зачем же выщипывать? Не проще ли постричь?» – «Ну да, сперва постричь, потом общипать, а под конец опалить». И тут мы внезапно все поняли. Мсье Вонг понял, что я никогда не готовила собак, а я поняла, почему мсье Вонг мечтает о собаке. Рецепт приготовления собаки оказался прост. Взять пса – лучше всего двух-трехгодовалого – и окунуть ему голову в ведро с водой. После утопления отрезаем голову, лапы и хвост. Потом общипываем и обжигаем, как курицу, над огнем. Собачье жаркое просто великолепно. Кошки тоже хороши, но не так вкусны, как

собаки, и не годятся для праздничного стола. Вот как сильно различаются у нас с мсье Вонгом кулинарные предпочтения, однако во всем остальном мы друг друга понимаем прекрасно.

Зато я не могу понять до конца ментальность моих соседей за стенкой. Они приехали во Францию из Перу больше трех лет назад. Французский знают слабо, зато учат русский, особенно она, и никогда не говорят по-французски Moscou, но «Масква» с испанским акцентом. Эта их «Масква» – это мечта, это чудо. Вес, что есть лучшего в мире, – в этой «Маскве». На вопрос, почему они живут в буржуазном Париже, а не в «Маскве», они что-то там бормочут и снова говорят о гении Троцкого или Ленина.

Он лежит целыми днями на кровати, глядя в потолок, и думает, наверное, о своих товарищах по Светлому Пути.

Мой второй сосед – Хассан Растман – афганский фундаменталист и перуанцев не замечает вообще. Говорит им только «bonjour»[14] и ни слова больше. Однако как-то раз совершил поступок невероятный: постучал к ним в дверь и произнес целую фразу, глядя то ли в пол, то ли в сторону:

– Прошу прощения, я пришел не к вам, я пришел за моей знакомой.

Я в тот момент сидела у Светлого Пути, слушая лекцию о неизбежности народной революции. Я вышла с Растманом в коридор и спросила, что с ним случилось. Афганец помахал газетой:

– В «Одеоне» крутят тот фильм, о котором говорят все поляки. «Le Complot» – «Убить священника». Мы должны его посмотреть.

– Растман, я уже смотрела этот фильм дважды, иди один.

– Что? Один? Забыла, кто комментировал тебе все программы из Афганистана, какой это город, какое подразделение моджахедов? А как же польско-афганская дружба? Плачу за твой билет, пошли.

В кинотеатре было человек десять. Мы сели в пустом ряду, чтобы разговаривать, никому не мешая. Растман спросил только, правда ли, что город, который показывают, – это Варшава? После сеанса мы возвращались домой пешком через Сен-Жермен. Растман, конечно, фильм похвалил, но признался, что одного он не понял. Почему, когда полиция подбросила оружие «Солидарности», из этого устроили целое дело? В Афганистане оружие приходится покупать у одурманенных наркотиками Советов или добывать в борьбе. Зачем же в Польше коммунисты дают оружие оппозиции бесплатно? Я объяснила ему, что в Польше совсем другая ситуация, чем в Афганистане, и так далее. Растман, видимо, слушал исключительно из вежливости,

поскольку в конце концов предложил:

– Знаешь, давай я тебя научу стрелять. Купишь себе пистолет – может, когда-нибудь и пригодится.

– Ты умеешь стрелять? Ты же всегда говорил, что как студент-медик лечил в горах раненых.

– Не шути. – Растман немало оскорбился. – В Афганистане каждый мужчина умеет стрелять.

– Но я еще не скоро вернусь в Польшу. Может, купим этот пистолет потом?

– Нет-нет. Учиться стрелять – просто необходимо, когда имеешь дело с коммунистами. Коммунисты даже во Франции есть.

Мы отложили обучение стрельбе на потом, когда я куплю пистолет. Надеюсь, что Растман забыл о своей идее. У меня нет ни малейшего желания выкладывать несколько сотен франков за какую-то железяку, от которой ни мне, ни кому другому не будет в Польше никакого толку, не говоря уж о проблемах с провозом оружия через границу.

Входя в дом, я обнаружила на ступеньках рваную газету с такой вот заметкой: «…Сегодня солнце заходит в 17.58». Уже зашло.

Май 1989

Я, наверное, принадлежу к числу тех немногих, кто имел несчастье дважды поступить на «изящные искусства» – и оба раза отказаться от этих, судя по всему, приятных занятий. Первый раз я поступала в школу в Торуни. Экзамен, продолжавшийся неделю, был весьма мучительным: три дня серьезного академического рисунка, два дня живописи маслом и теоретический экзамен или письменная работа по истории искусства, а потом – вопросы типа: «Что было изображено в гроте Ласко?» или: «Назовите, пожалуйста, современных польских архитекторов». Плюс – нагнетание истерии в перерывах: «Я уже третий год поступаю и говорю вам: все, кто проходит, проходят по блату».

Обнаружив себя в списке поступивших, я начала покупать кисти, краски, подрамники, чтобы приступить в октябре к созданию шедевра масштаба Матейки. Во время каникул выяснилось, что я получила паспорт и надо ехать во Францию. Что делать во Франции? Понятное дело, снова поступать на изящные искусства. Я выбрала школу недалеко от Парижа типа Торуньской – среднюю. Экзамены, как и в Польше, делились на две части: первая часть теоретическая, вторая – практическая.

Практический экзамен состоял в том, чтобы убедить комиссию в наличии у тебя неповторимой творческой индивидуальности. Преподаватели ходили из зала в зал, рассматривали творения кандидата и выслушивали его художественные откровения. В информационном листке практического экзамена директор приглашал абитуриентов представить свое творчество, не обязательно художественное.

Я приехала на экзамен из Ренна (400 км) с рюкзаком, груженная папками и картинами. В день перед моей экспозицией пошла посмотреть, как справляются туземцы, сиречь французы. Оказалось, что ни у кого нет работ маслом, поскольку это сложная техника и мы будем изучать ее только на занятиях. В основном наличествовали абстракции, что-то вроде граффити. Собственно, экспозиции не сильно отличались от стен метро. Один абитуриент в решающий момент – когда входила комиссия – вдруг заорал, что его акварели недостоин лицезреть никто, а уж профессора – тем более, и захлопнул дверь. Преподавателям это понравилось, началась толкотня, переговоры, в итоге он разрешил входить по одному. Показывал картинку, а потом ее дарил, упаковывая в конверт и вручая в качестве сувенира. В другом зале полуголая девица принимала различные позы,

распевая при этом собственные поэзы. Ознакомившись с этими экспозициями, я тоже решила понравиться комиссии тем искусством, которое французы ценят превыше всего, – кулинарным.

Я приготовила русские пельмени, положила в термос и потчевала ими уважаемых профессоров, рассказывая о традиции пельменей вообще и русских пельменей в частности. Я обратила внимание комиссии на цикл из двенадцати работ в бурых тонах с темно-красными струпьями. Это были автопортреты и автоакты, которые я ежемесячно писала собственной кровью и которые назывались: «Эта кровь, быть может, вольется когда-то в язык и хвост плода». Когда председатель комиссии попросил еще пельменей, я уверилась, что практическую часть экзамена я прошла. В соседнем зале выставил свои работы неолитический человек, жутко худой паренек, рисующий руками бизонов и лошадей, плененный первобытным искусством и убежденный, что, когда он начинает рисовать, в него вселяются духи предков. Он был в грязных шортах, босой и весь испещрен рисунками, которые, как он утверждал, являются магическими символами, помогающими ему сдать экзамен.

Теоретическая часть основывалась скорее на высказывании собственных впечатлений и размышлений, нежели чем на лервическом перечислении дат или стилей. Нас пригласили в маленький кинозал, раздали бумагу и попросили описать композицию картины, которую мы увидим на экране. А если останется еще немного времени, было бы желательно описать ощущения, которые вызывает в нас рассматриваемое произведение искусства. Когда на экране появился слайд, директор добавил, что картина, которую сейчас мы видим, знаменитая «Matete» Поля Гогена.

За полчаса я написала все о красочных пятнах, первом плане, втором плане, горизонтальных и диагональных линиях. Оставалось еще полчаса. Я сняла очки, чтобы не приучать глаза к детальному разглядыванию мира. Я принадлежу к тем близоруким, которые не считают свой способ видения дефектом зрения. Как раз наоборот – очки полезны исключительно в кино; на улице или в доме они искажают естественное восприятие. Если глаза близорукого не хотят реагировать на те же нервные раздражители, что и глаза неблизорукого, значит, у них другая чувствительность, и ее следует уважать. Просто организм близорукого в определенный момент решает развить другие ощущения. Постоянное ношение очков не исправляет зрения, зато делает совершенно невозможным обогащение слуховых, обонятельных или осязательных ощущений. Если организм

начинает видеть хуже, из этого следует извлечь пользу, а не бежать сломя голову к окулисту, чтобы услышать, что у тебя дефект или вообще сколько-то-там-процентное увечье.

Мои знакомые близорукие французы – специалисты в покупке фруктов, потому как только они способны, нюхая бананы или мягкие на вид ананасы, определить, действительно ли плод спелый или уже начинает портиться Большинство близоруких – объективные идеалисты даже если сами они не формулируют это в эпистемологических категориях. Причина этого проста. Без очков трудно определить, улыбается человек, идущий по другой стороне улицы, или хмурится и что у него под глазом: фонарь или экстравагантный макияж. Выражение лица, прическа – все это неуловимо. Вместо этого близорукий улавливает сущность, единственную и неповторимую, которая выделяет знакомого из толпы прохожих. Трудно дать определение той сущности, благодаря которой я безошибочно узнаю в толпе хорошо знакомого человека, не различая ни черт лица, ни фигуры. Просто близорукий обладает способностью восприятия идеи, сущности предметов и людей – если, разумеется, не носит постоянно очки.

Памятуя об этом, я стала рассматривать картину Гогена на свой близорукий манер: три серых пятна, два ярких пятна, три серые точки. Три, три, два. Заинтригованная этой арифметической регулярностью, я все-таки надела очки. На скамье сидят три женщины в серых платьях, рядом с ними – две в платьях теплых, насыщенных, даже ярких тонов. Перед скамьей лежат три камня или какие-то цветные точки. Справа композицию замыкает фигура девушки, а точнее – половина девушки, пересеченной вертикальной рамой картины. Фон – нечеткие, далекие мужские фигуры, деревья и, возможно, озеро У женщин на скамейке застывшие черты, они напоминают скорее богинь, чем простых смертных. Только девушка (полдевушки) имеет вид кого-то реального. «Matete» означает рынок, но на картине не видно ни горшков, ни зелени – вообще ничего, чем можно торговать. Застывшие в жреческих позах женщины тоже не похожи на продающих или покупающих. О каком рынке идет речь? Что на нем покупают, что продают? Почему две женщины одеты ярко, оставшиеся три – серые и словно бы мертвые? А девушка перерезана пополам? Искусствовед удовлетворился бы ответом, что количество фигур и их дифференциация подчинены композиции, но я знаю, что Гоген был художником-символистом, а значит, эта картина должна скрывать в себе какой-то символический смысл.

Две ярко одетые женщины. Две… число два символизирует

женское начало. Три означает мужское начало. Противопоставление этих двух начал на картине подчеркнуто еще и цветом: две богини в желто-оранжевых платьях, а остальные три – в тоскливых темно-серых, лишающих их женской прелести, приближающих по цвету к нечетко обозначенным, тоже серым мужским фигурам на заднем плане. Итак, на картине идет какая-то игра или борьба между женским началом и мужским, возможно, торг, ведь все это вместе называется «рынок». Если женщины на скамье – загадочные богини, то, может быть, имеется в виду торг между богами? Но что является его предметом? Может, Гоген изобразил вещь, о которой идет спор, может, хотя бы половину… ну конечно! – полдевушки.

Итак, таинственные богини говорят о девушке. О чем они могут говорить, будучи символом мужского и женского начал, как не о выборе для девушки подходящего мужа среди фигур в глубине картины? Девушка очень хороша собой, и богини женственности торгуются с символическим мужским миром (тройка) из-за достойного ее красоты жениха. Но почему мы видим только половину девушки? Половина, чтобы достичь совершенства единицы, должна быть дополнена второй половиной. Дополнение вечной женственности – мужественность. Очевидно, девушка уже в том возрасте, когда ей пора найти себе мужа. Может быть, она молится своим богам, обещая принести им в жертву цветы и фрукты, если жребий подарит ей взлелеянного в мечтах мужчину. Такой вот торг с богами: «Великая Богиня, дай мне мужа, а я взамен воскурю тебе благовония и пожертвую мое самое прекрасное жемчужное ожерелье». Матерь Богиня, соблазнившись таким подарком, торгуется с миром мужских божеств о нареченном для своей прекрасной подопечной. Рынок, «Matete».

После экзамена я пошла в книжный магазин посмотреть альбом Гогена. Под репродукцией «Matete» было написано, что источником вдохновения для картины послужила египетская стела эпохи Древнего Царства, представляющая богинь плодородия и смерти. А значит, моя интуитивная догадка в какой-то мере подтвердилась.

Две недели спустя мне случайно попалась книжка об Элифасе Леви, одном из самых известных французских эзотериков XIX века, авторе пособия по Высшей Магии. К кругу его самых близких друзей, как я узнала из книги, принадлежала бабушка Поля Гогена. Выходит, поиски потерянного рая, занятие темным миром символов были в роду художника традицией.

Экзамены я сдала, но Сальвадором Матейко не стала. Вместо того чтобы творить великие полотна, я занялась решением

загадки одной таинственной женщины из города Магдала.

Сентябрь 1989

Подавать руку на прощание или при встрече было для меня в Польше подлинной мукой. Я предпочитала кивок или старомодный реверанс, только бы не касаться ничьих, даже дружеских рук. Это было неприятно, но настоящая пытка ждала в Бретани, где мне довелось прожить полгода. Там рукопожатие – сущие пустяки, весь церемониал приветствий и прощаний основан на целовании в щеку – три раза: чмок, чмок, чмок. Чмоканье слышится повсюду: в кафе, на улице, в автобусе. Парижане говорят, что Бретань – католическая страна, поэтому и целуются там троекратно: во имя Отца и Сына и Святого Духа.

В Париже, который всегда в авангарде, целуются четыре раза, непременно четыре раза, даже если ты знаком с кем-то всего десять минут. Познакомьтесь, это Юта, это мой лучший друг Пьер. Если поцелуешь кого-нибудь только два или три раза, то ты pas gentil, pas mignon[15] и вообще не любишь Юту и лучшего друга Пьера.

Когда ежедневно знакомишься с новыми людьми, безумными парижанами или приезжими из Буэнос-Айреса, Рима или Монреаля, в итоге выходит от сорока до восьмидесяти поцелуев. Я пытаюсь избежать целования, утверждая, что у меня насморк, подозрение на сифилис и несомненный СПИД. Но это не спасает от другого кошмара, которым являются ответы на вопросы, из какой я страны, что делаю во Франции, сколько мне лет, есть ли у меня собака, братья и сестры. Всегда один и тот же набор нудных, дотошных вопросов. Лучше всего заготовить себе карточку и выписать на ней все возможные ответы. После нескольких дней занятий в «Альянс Франсез»[16] я старалась избегать любых новых знакомств, то есть – необходимости отвечать на вопросы. Я только запоминала национальность тех, с кем уже знакома, чтобы понять, являются ли жесты этого человека признаком душевного расстройства или же, как у итальянцев или греков, – проявлением южного темперамента.

В арабском магазинчике на моей улице меня считают русской – если бы на вопрос любопытного продавца я сказала, что полька, араб бы закивал: мол, знает, где Польша, слышал, мол, о Валенсе и Ярузельском. А меня ни Ярузельский, ни Валенса не интересуют. Когда я говорю, что русская, люди на миг столбенеют, а потом смотрят с таким удивлением и испугом, будто за моей спиной стоит Горбачев с медведем на веревочке.

Увы, я тоже видела в Париже русского медведя на веревочке. Это случилось знойным вечером 14 июля 1989 года у

Триумфальной арки. Внезапно стемнело, пошел снег, завыла протяжно кошмарная музыка, и по Елисейским Полям промаршировали красноармейцы в жутких шинелях, высоких сапогах и со звездой на лбу. За ними на передвижной платформе танцевала балерина с огромным белым медведем. Так прошел в Париже советский парад, посвященный двухсотлетию Французской революции, – ведь и у русских была в 1917 своя революция. Как только красноармейцы промаршировали по Елисейским Полям, их сразу же посадили в грузовики и отвезли к русскому посольству, чтобы кто-нибудь, случаем, не надумал остаться и просить убежища. Французы, глядя на этот наводящий ужас марш, веселились, как дети: что снег искусственный, что медведь настоящий и еще – что русские на этот раз возвращаются к себе домой.

Я чувствовала себя в этой веселящейся толпе несколько странно, почти так же, как несколько месяцев назад, когда смотрела телевизор в общежитии для эмигрантов. На экране ведущий, комментирующий парижскую манифестацию против Рушди, не мог понять, откуда взялась толпа фанатичных мусульман, требующих смерти писателя, интеллектуала, вообще кого бы то ни было в цивилизованном французском государстве. Меня мало волновало и само событие, и впавший в истерику ведущий, но вокруг началась суматоха, и тут я слышу, как все начинают возбужденно кричать: «Смерть Рушди! Смерть сукину сыну!» Я огляделась в полутьме телевизионной залы и обнаружила исключительно арабских эмигрантов из Магриба.

Но это было давно, очень давно, почти за год до того, как я познакомилась в «Альянс Франсез» с Бруно – единственным человеком, который не спросил в первые минуты разговора, что я делаю во Франции, откуда я и как меня зовут. После лекций мы бродили по Парижу, таская с собой огромные польско-англо-французские словари, поскольку в беспрестанной болтовне нам постоянно не хватало слов. Через месяц таких прогулок мы носили уже словари поменьше и знали больше мелких ресторанчиков. Наши разговоры состояли в придумывании правдоподобного вздора, например: почему монады Лейбница характеризовало в первую очередь отсутствие двери и окон? Объяснение простое – старик Лейбниц, который сидел в кресле у камина, закутавшись в плед, не терпел сквозняков. Вот он и придумал совершенство, лишенное дверей и окон, то есть монаду. Таким образом мы разрешили множество философско-психологических или попросту психиатрических загадок.

Иногда кому-нибудь из нас в последний момент не хотелось идти на занятия, но мы знали: на случай такого приступа лени

прогульщик ждет в кофейне на углу Распай и Вавен. В один октябрьский день Бруно не пришел в «Альянс», а значит, ждал в закусочной, и он в самом деле стоял у стойки, но настолько непривычный в длинном, широком бежевом плаще, что я усомнилась, он ли это. В руке – бокал красного вина, золотистая, чуть посеребренная уже борода, волосы, ниспадающие на плечи, и роскошный плащ соединялись в композицию «Живописный Бруно». Бруно казался несколько сконфуженным собственной элегантностью.

– Этот плащ мне привезла сестра, – начал оправдываться он. – Она художник-модельер в Штатах и сделала мне подарок.

– Весьма симпатичная тряпка, но что это за пакля торчит у тебя из-под рукава, вот тут, под мышкой? – Я показала пальцем на то, что явно нарушало полный шик.

– Это не пакля, это волосяной покров, приклеенный здесь специально и придающий, как утверждает моя сестра, оригинальность и sex appeal[17] всему look.[18] Эти волосы можно побрызгать дезодорантом, как настоящие. Для тебя у меня тоже подарок. – Бруно протянул мне бело-голубой свитер с высоким воротом. – Рукава подвернешь, и будет как раз.

Я надела свитер. Сестра Бруно не наклеила на него волосы, зато пришила на спину два крыла наподобие ангельских – вязанных, шерстяных. Крылья держались на проволоке и величественно колыхались. Мы оба выглядели празднично, с такими крыльями не подобало идти ни в «Царицу Савскую» на пирожки, ни в кошерную пиццерию, а потом в кошерную кондитерскую на Сен-Поль, куда мы собирались в тот день. Было бы просто глупо шляться с крыльями на спине по еврейскому кварталу, между домами молитвы, среди набожных иудеев и детишек из хедера. Мы решили пойти туда, где живут в основном художники, то есть на Бастилию. Был вечер, когда Бруно задал мне бессмертный вопрос: «А какая она, эта Польша?»

– Какая? Начнем с истории. Ты знаешь, кто такие были тевтонские рыцари? В Польше их называли крестоносцами. Один польский король победил крестоносцев в великой битве под Грюнвальдом, в начале XV века. Во время Реформации почти весь орден перешел в протестантизм, а у тех, кто остался в католичестве, теперь своя резиденция в Вене. Именно в Вене один крестоносец показал мне фотографии декабря восемьдесят первого, на которых монахи в традиционных белых плащах с черным крестом, накинутых поверх элегантных костюмов, грузят в автофургоны ящики с продовольствием для Польши. Это была история, а теперь – география. Польша – большая страна. Близ границы с Россией, рядом с городом Белосток, сохранилось даже

немного дремучих лесов. Кому-то пришла в голову мысль объехать те края с настоящим негром. Негра выставляли напоказ в домах сельских старост – разумеется, за деньги. Потрогать настоящего нефа стоило на несколько злотых дороже. Прекрасная посещаемость и самоокупаемость – люди собственными глазами увидели черного и смогли удостовериться, что он не раскрашенный. Африканец из Института иностранных языков в Лодзи заработал пару грошей, и тот, кто все это задумал, тоже, наверное, собрал немного бабок.

– Не знаю, остались ли довольны все герои другой истории, – заметил Бруно. – Перед самым концом войны наши войска проходили через глухую французскую провинцию, где никто не видел иностранцев, а уж тем более – негров из американской армии. Парни внушили провинциалам, а точнее – провинциалкам, что их раскрасили только на время войны, для лучшей маскировки, а потом черная краска смывается. Увы, после войны отдраивание шоколадных младенцев ничего не дало, краска сходить не желала.

Беседуя, мы дошли в конце концов до «Вольтера», протиснулись к стойке и взяли по бокалу, а потом, наверное, еще по бокалу, потому что я решительно должна была сесть за столик. Я собралась с духом и предложила Бруно то, чего больше никому не предлагала:

– Слушай, наш союз существует уже давно, через несколько дней ты возвращаешься в Лондон, следовательно, надо это как-то узаконить, как ты считаешь?

– Ну конечно. – Он закивал, пытаясь стянуть с соседнего столика пепельницу и одновременно обороняя свой бокал от нахального клошара.

– Предлагаю, чтобы мы стали amis.

– А почему не petit amis?[19]

– Потому что у меня есть муж, – ответила я.

– У тебя есть муж?

– Да, и я влюблена в него до безумия, он самый чудесный на свете, и не вытягивай из меня признаний, потому что ты, наверное, никогда не слышал, чтобы женщина так восхищалась своим мужем.

– А вот и нет, слышал. От моей жены, то есть моей бывшей жены.

– Видишь, я тоже не знала, что ты женат.

– Был, был, но все хорошее всегда кончается. Наш брак был прекрасен, все складывалось чудесно, даже слишком чудесно, потому что в одну безумную ночь Кена, голая, вскочила с постели и стала что-то записывать за столом. Она сказала, что, когда мы

занимались любовью, испытала озарение. Озарение заключалось в том, что она открыла в женщине еще одно чувство, нечто среднее между осязанием и метафизическим чувством. Кена – антрополог, а потому не хотела впадать ни в мистицизм, ни в чистую биологию. Она решила, что оргазм у женщины не является следствием физического прикосновения, поскольку прикосновение можно определить: его локализацию и силу, а то, что испытывает женщина, занимаясь любовью, не поддается подробному описанию. Другим доводом, подтверждающим истинность этой теории, должен был служить тот факт, что во время оргазма наслаждение распространяется на все тело, что при обычном, чисто физическом прикосновении было бы невозможно. Следовательно, это удовольствие должно иметь сверхчувственное, или духовное, происхождение. Вывод – в женском теле есть орган чувств, связывающий физическое с духовным, такая чуть-чуть материальная душа, которая проявляется во время занятий любовью. Таким образом Кена разрешила проблему психофизического дуализма, с которой никто не мог справиться со времен Картезия.

Такие вот сенсационные выводы сделала моя жена на основании собственного опыта. Сначала она расспрашивала подруг об их сексуальных переживаниях, но потом, как и положено добросовестному ученому, решила проводить эксперименты на себе. Наша спальня превратилась в несколько двусмысленную лабораторию. Кена приводила всяких разных типов, чтобы проверить, в какой степени сила оргазма у женщины, то есть конкретно у Кены, зависит от духовной и физической предрасположенности партнера.

Я оставил ей нашу нью-йоркскую квартиру и улетел в Южную Африку, где как геолог добывал породу. Я обнаружил много растительных окаменелостей и переключился на палеонтологию. Среди растений мне стали попадаться кости, примитивные орудия, древние захоронения. Поэтому я решил изучать антропологию в Бейруте, где прожил в общей сложности десять лет. Не знаю, опубликовала ли Кена свои труды, но я благодаря тому, что мы расстались, живу в Европе, у меня хорошая работа в Британском музее, и после убийственных месяцев на Руб-аль-Хали я, кажется, обнаружил, откуда произошли семиты. Но откуда берутся такие люди, как те, что только что сели позади тебя, я понять не в состоянии.

Я посмотрела в зеркало, висевшее над баром, и сквозь дым увидела прямо позади себя два крашеных панковских чуба. Панки говорили очень громко, но не по-французски.

– Бруно, я понимаю, что они говорят. Это не польский, не

итальянский. Господи, что это за язык? Знаю, Бруно! Это русские. Правда, я никогда еще не видела русских панков, может, они здесь в командировке. – Панки, должно быть, заметили, что мы говорим о них, потому что тот, у которого чуб был побольше, хлопнул меня по плечу и совсем не агрессивно, а скорее тоскливо спросил:

– *Ну што?*

– *Ничего,* – ответила я.

Парень заорал:

– Юрий, русские! Радость-то какая!

И они тут же, прихватив свои бутылки и стаканы, пересели к нам. У нас не было времени поговорить как следует. Я только узнала, что Юрий и М. – из оркестра, который год назад попросил во Франции убежища. Порой они тоскуют по дому, но у них есть безотказное средство от ностальгии – послушать Радио Москвы. Через полчаса тоски как не бывало. Наш разговор был прерван появлением в кафе типа, одетого вполне опрятно, но с волосами, просто не поддающимися описанию, – то ли сто лет нестриженными, то ли сто лет немытыми. Еще в дверях он высмотрел панков и начал проталкиваться к нашему столику, обличительно вопия:

– Обрезали волосы! Обрезали! А в волосах – сила Божия. Пока Самсону Далила волосы не обрезала, Дух Господень был на нем!

Этот тип явно был психом, но вещи говорил интересные.

– Все помешательства, болезни ума идут от шампуней. Шампунь – это химическая гадость, отрава, он попадает в глаз, и глаз болит. А люди втирают шампунь в волосы, в нежную кожу головы, в мозг, и шампунь разъедает мозг. Волосы надо мыть целебными травами, втирать в них миро и розовое масло, чтобы это благоуханное масло стекало по волосам. Когда святая Мария Магдалина умащивала голову Христа, она знала, что делает, у нее были дивные волосы, до самой земли, и Христос воскрес из мертвых, а Самсон умер. О!

И я уже скоро обрету силу Господню, если только буду вовремя возвращаться из увольнительных в больницу Святого Антония. И вы возвращайтесь в домы свои, ибо Бастилию разрушили, но Бастилия восстанет. Снова будет революция, и будут резать волосы вместе с головами.

Говоря это, он выпил из наших бокалов все вино. Сидеть дальше над пустой посудой было бессмысленно. Мы распрощались, четырехкратно расцеловавшись.

В метро слегка подвыпивший француз попробовал навязать мне беседу:

– Вы не француженка?

– Нет, не француженка.

– Тогда вы, наверное, испанка.

– Нет.

– Тогда из какой вы страны?

– Вы что, не видите? – Я показала на ангельские крылья, прикрепленные к свитеру. – Я из космоса, но должна возвращаться, у меня увольнительная закончилась. До свидания.

Октябрь 1989

В «Альянс Франсез» на бульваре Распай, 101, я зубрила слова и грамматику, а в доме номер 56 на бульваре Распай я наткнулась на некий институт или академию. Я каждый день проходила мимо ее стеклянной башни, а когда заглянула внутрь, как раз вывесили программу занятий на 89/90 год. Принимали кандидатов, которые хотят записаться на занятия в докторантуру или для получения диплома, – желателен зачет нескольких лет занятий в другом учебном заведении. Можно было выбрать самые разнообразные факультеты: от геологии и математики до синологии и музыковедения. Студент обязан посещать выбранные семинары – два часа в неделю – и консультироваться в ходе написания работы с научным руководителем. Я пробежала взглядом фамилии преподавателей: Касториадис, Помиан, размышляя, стоит ли дальше увязать в философии. Я вспомнила тоскливое словоблудие о Гегеле, такое скучное, что глаза слипались, на семинарах по Хабермасу.[20] ветреное обаяние Скота Эриугены,[21] «Книгу Гамма Метафизики» Аристотеля, распеваемую пьяными друзьями в ритме блюза, со стриптизом в самые гамма-метафизические моменты, и мне расхотелось изучать философию. Пяти лет на тренировку ума в логике и эрудиции достаточно. Пора заняться чем-нибудь серьезным.

Другой семинар: профессор Милан Кундера – «Роль музыки в романе», это меня не интересует; профессор Дерриба – тоже малоинтересно, когда я вижу Ницше, перехожу на другую сторону улицы. Факультет неолита мог бы даже оказаться любопытным, но это отделение находится не в Париже, а в Тулузе. Антропология – а вот это как раз то, что мне нравится. К сожалению, здесь только средневековая антропология. Я бы хотела писать о культе черепа, на эту тему больше всего можно найти в эпоху античности и чуть раньше. Но не будем мелочиться, антропология – это антропология, и в средневековье какие-нибудь черепа найдутся, главное – убедить в этом научного руководителя. Поскольку институт, или Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales,[22] будучи связан с Сорбонной, оставался наполовину частным учебным заведением, по финансам он может себе позволить пригласить для чтения лекций господина Кундеру или господина Безансона. А в том, что это не один из государственных парижских университетов, нетрудно убедиться уже во время записи. В университетах – безумие, толпы ожидающих по два-три дня очереди в секретариат. Чтобы записаться в Ecole des Hautes Etudes, договариваешься по

телефону о встрече с лектором. В кабинете профессор неспешно попивает кофе, у него достаточно времени, чтобы в неофициальной, приятной беседе выяснить, годишься ли ты в студенты.

– Итак, господин профессор, я училась в Польше, правда, училась философии, но меня интересовала именно средневековая философия. Спор об универсалиях, «О граде Божием» святого Августина (я бессовестно врала и вдобавок с помощью святых), святой Фома Аквинский и его «Сумма теологии». Но больше всего в этой философии меня интересовала антропология. Например, исследования, как отражаются в архитектуре богословские тезисы. Схема, как вписано тело Христово в готический собор, с непременным соблюдением ориентации восток – запад. Традиции такой символико-архитектонической системы тянутся с самых древних времен. Уже в неолите мы обнаруживаем захоронения, ориентированные по оси восток – запад. Лучше всего в этих захоронениях сохранились черепа. – И так далее, от неолита, через Египет и Палестину я добралась до несчастного средневековья. – В средневековье, да, в средневековье человеческий череп, то есть представление о нем, имеет несколько иное значение. Хотя бы функция черепа в инициации тамплиеров, информация на эту тему происходит из актов инквизиции, тем не менее можно предполагать, что существовала несомненная связь с широко известной в те времена ересью… – На этом профессор, к счастью, прервал мои умозаключения, долженствовавшие убедить его в существовании несомненных связей между культом черепа в эпоху неолита и представлением о нем в средневековье.

– Пока вы говорили, я просмотрел то, что вы написали; план исследований и ваше dossier.[23] Любопытно. Вот мое одобрение и подпись – с маленькой оговоркой: я веду семинары по средневековью, а не по ересям. Поэтому я направляю вас на семинар по представлениям о человеческом теле и его воспроизведении в средние века. Думаю, там будет кто-нибудь, кто занимается головой или черепом, венчающим человеческое тело.

Вот так после получасового собеседования я стала студенткой E.H.E.S.S., факультета антропологии, по специальности «человеческий череп». Неплохая тема – но что я в действительности могу написать о черепе? Где тут найти какой-нибудь средневековый череп? Картины, изображающие святого Иеронима, склонившегося над столом, на котором лежит Библия и истлевший череп; кающаяся Мария Магдалина, вглядывающаяся в пустые глазницы черепа, – и на этом мои познания

заканчиваются.

5 октября

Познаний на тему о черепе не прибавилось. Перелистываю тома Оригена, святого Иеронима, Зогар – по-прежнему ничего. Может, разве, что «рош» (голова по-еврейски) означает еще и вершину горы. Голгофа, «лобное место», переводится как «место черепа»; итак, количество черепов множится, но из этого ничего не следует. Вдобавок святой Иероним (всегда изображаемый с черепом) в комментарии к Евангелию от Матфея опровергает слухи, будто бы место, именуемое Голгофой, обязано своим названием тому, что там был погребен праотец Адам, и именно там, где покоится его череп, стоял крест Иисуса. Согласно святому Иерониму, Адам был погребен близ горы Хеврон, о чем можно прочесть в Книге Иисуса Навина. Голгофа же обязана своим названием тому, что на ее вершине некогда приводили в исполнение смертные приговоры через отсечение головы. До Иисуса на Голгофе распинали других осужденных, и значит, их кровь тоже должна была стекать на могилу Адама?

Надо будет поискать что-нибудь еще о святой Марии Магдалине, поскольку мнение святого Иеронима по интересующему меня вопросу вполне однозначно, основано на фактах и авторитете Библии. Антропологу тут делать нечего.

6 октября

Наконец-то, после года скитаний по отелям и ночлежкам, измучив своим присутствием друзей и знакомых, мы с Цезарием обрели собственное жилье. Где мы только не ночевали, приехав во Францию: в предбаннике сберегательного банка, который по ночам открывал для нас сторож, любивший молодежь, в шкафу у доминиканцев, в старом парке, который, как выяснилось на рассвете, оказался заброшенным кладбищем… Я всегда говорила, что кто-то проклял крышу над моей головой, но теперь – конец проклятию и бродяжничеству – собственная студия с двумя большими окнами, деревянным полом, душем, живописными арками, отделяющими кухню от комнаты. Все это чудо – здесь, рядом с площадью Насьон, на улице со смешным названием Рандеву.

8 октября

За два дня до нашего переезда обрушился потолок в ванной. Кто-то все-таки проклял крышу над моей головой. Первая ночь в новом жилище – и уже свето-музыкальное шоу. Когда мы выключили свет и легли, измученные переездом, мы увидели прямо над головой светящиеся отверстия. Это не могли быть звезды, мы ведь жили не в мансарде. Однако светящиеся точки отчетливо складывались в созвездия Ориона и Большой Медведицы. Мы зажгли свет и осмотрели потолок. На досках приклеены невидимые днем кусочки чего-то фосфоресцирующего, в темноте превосходно имитирующего звезды.

В четыре нас разбудили топот и писк. Усомниться было невозможно – мыши. Мой доблестный муж, вооружившись метлой, вышел на охоту. Польских мышей достаточно испугать стуком, и можно спокойно жить до утра. Парижские мыши хоть и помельче, но зато куда как нахальнее. Радио и электричество их только взбодрили, и они пустились в галоп. Сидя на кровати, завернувшись в одеяло, я осмелилась взглянуть на поле брани, и в то же мгновение мышь пошла на меня в атаку. Оставалось одно: применить слезоточивый газ. Наверное, у мышей слишком маленькие глазки, и на газ они не реагируют – серая тварь бестревожно пробежала по моей кровати и начала новый круг по комнате. Заплаканные и побежденные, мы ушли из дома. Мы добрели до площади Бастилии, площади, о которой еще задолго до революции граф Калиостро сказал, что она будет принадлежать народу, – и действительно, почти на всех лавках спали клошары. Мы отыскали свободную лавку и улеглись – мы, обладатели «студии» за две тысячи франков в месяц.

10 октября

В иезуитском институте у станции метро «Севр Бабилон», куда я хожу на еврейский (не для того, чтобы эмигрировать, а в чисто научных целях), разумеется, польские иезуиты. Януш двадцати с чем-то лет свободно говорит по-арабски, был некоторое время в Сирии, и, если бы я увидела его в восемнадцатом квартале в какой-нибудь тунисской забегаловке, никогда бы не поверила, что он не араб. На каникулы он едет в Оксфорд изучать английский – уверена, что по возвращении у него будет вид джентльмена, который только что вышел из паба. Другой языковый гений ордена иезуитов – Ришард, а точнее, Ришар – отец француз, мать итальянка, то есть – с детства двуязычный. В Польше он пробыл несколько месяцев и, как он утверждает, польский знает неважно, но я никогда не встречала иностранца, который говорил бы по-польски, как он, без всякого акцента, и произносил бы все шипящие звуки. Самую сложную скороговорку Ришард проговаривает быстрее и отчетливее, чем я. Пять лет он жил в Индии. Если ему хотелось прогуляться без визы в Непал, он переодевался и полностью исчезал в толпе индусов, что при его смуглой коже, видимо, было нетрудно. Когда в Париже мы проходили мимо китайского ресторана, Ришард с наслаждением вдыхал ароматы восточной кухни, напоминавшие ему детство: мальчиком он входил в дружину скаутов острова Маврикий, где, кроме него, были одни только китайчата. Китайский он знает слабо – так же, как польский.

А еще Януш познакомил меня с Алицией, которая работает в институтской библиотеке. Благодаря ей я могу входить в зал с книгами, перелистывать альбомы, рыться среди фолиантов, а не в каталогах, что достаточно трудно, если ищешь всего лишь библиографию по теме, сформулированной неточно. Библиотека опоясывает верхний этаж готической церкви Святого Игнатия, в ее хранилищах содержится около ста пятидесяти тысяч томов.

14 октября

Мария Магдалина, откуда это двойное имя? Алиция порекомендовала мне огромный многотомный словарь святых. В нем я обнаружила, что Мария родилась в городе Магдала. Таким образом, Мария из Магдалы стала со временем просто Марией Магдалиной. Что означает слово «Магдала»? По-еврейски это слово пишется «МГДЛ» и означает «башня». Любопытно нумерологическое значение этой башни: М = 40, Г = 3, Д = 4, Л = 30, то есть – 77. Две семерки. Башня и число семь дополняют друг друга следующим образом: 7 означает завершение некоего процесса, его исполнение, переход на обозначенный путь, а башня… Схема башни достаточно проста |, она связывает то, что внизу, с тем, что наверху. Вавилоняне, возводившие башню, сказали: «…построим себе город и башню, высотою до небес» (Книга Бытия 11, 4). По-еврейски «вершина» – «рош», в дословном переводе – «голова». Башня связует то, что на земле (ноги), с тем, что в небе (голова), а значит, это символический путь между земным и небесным, путь к переходу, путь со значением 7.

Есть ли еще какая-нибудь связь между схемой башни и Марией Магдалиной? В первую очередь следует оставить сомнения относительно единства фигуры святой и блудницы. Оригена и святого Иеронима приводила в негодование мысль об отождествлении грешницы, омывающей слезами ноги Христа, со святой, умащавшей благовониями его голову. Однако латинские отцы Церкви признавали единство этих ипостасей, а раз уж я занимаюсь средневековой, а не античной антропологией, придется мне согласиться с их мнением.

Башня, у которой ноги на земле, головой касающаяся неба. Мария из Башни. Есть ли в Новом Завете какая-нибудь сцена, в которой Мария из Магдалы не выступала бы в ассоциации с ногами или головой? Евангелие от Иоанна 12, 3: Мария помазала миром **ноги** Иисуса. Евангелие от Луки 10, 38–40: Марфа заботилась о большом угощении, а Мария «…села у ног Иисуса и слушала слово Его». Евангелие от Марка 14, 3–8: Женщина (Мария?) помазала миром голову Иисуса. Евангелие от Иоанна 11,32: сцена, предшествующая воскрешению Лазаря, когда заплаканная Мария, преклонив колена, обнимает **ноги** Иисуса. Евангелие от Иоанна 19, 25: у Марии, стоящей на коленях у креста, **голова** на уровне **ног** Иисуса. Евангелие от Иоанна 20, 3–8: «Тотчас вышел Петр и другой ученик, и пошли ко гробу. Они побежали оба вместе; но другой ученик бежал скорее Петра, и пришел ко гробу первый. И, наклонившись, увидел лежащие

пелены; но не вошел во гроб. Вслед за ним приходит Симон Петр, и входит во гроб, и видит одни пелены лежащие… Тогда вошел и другой ученик, прежде пришедший ко гробу, и увидел, и уверовал». Петр увидел пустой гроб, как, вероятно, и Иоанн. А бывшая с ними Мария Магдалина «…стояла у гроба и плакала. И, когда плакала, наклонилась во гроб, и видит двух Ангелов, в белом одеянии сидящих, одного у **главы** и другого у **ног,** где лежало тело Иисуса» (Евангелие от Иоанна 20, 11–12).

Гроб Иисуса – место, где произошло Воскресение, или завершение определенного этапа, которое символизируется числом семь. В христианской символике число восемь означает обновление, возрождение, Христа Воскресшего. В иудаистской экзегетике восемь – барьер, испытание, которое необходимо пройти, тот, кто его преодолевает, достигает Новой Жизни. Единственным фрагментом Нового Завета, в котором Мария Магдалина не выступает в ассоциации «ноги – голова», является момент «Noli me tangere»[24] в саду, где был фоб. Но Христос, которого видела тогда Мария Магдалина, уже Христос Воскресший, пребывающий символически в сфере 8, а не 7.

17 октября

Мое наблюдение относительно связи Марии Магдалины с «ногами» (почему ноги и голова в кавычках? Это все-таки только символы, построенные на конкретике) не является параноидальным. Рабан Мавр тысячу лет назад тоже заметил это совпадение: Мария Магдалина всегда – та, что обнимает ноги Иисуса, даже если в некоторых ситуациях это мог бы сделать кто-то другой. Цитата из Рабана Мавра: «Она (Марфа) бежит плакать ко гробу. Но Мария идет туда, где Иисус, и, увидев Его, падает Ему в ноги».

Если в архитектуре цистерцианцев башня символизирует восхождение души к Богу и если атанор (алхимическая печь) заимствовал свою форму у башни, тогда известно, что придется искать по теме этой символики. Я не люблю слов «гностицизм» или «герметические науки». То, что ждет систематизации, – окаменелости, следы того, что некогда было гностицизмом. От него остались мертвые, истлевшие обрывки, складывающиеся в логическое целое.

Такое занятие – поучительная вивисекция, доказывающая, что когда-то «это нечто» было живым, и неплохо ему жилось в этом мире или в этих мирах. Гностицизм – эзотерическая теология и систематизирует то, опытом чего является Мистика. Эзотерическое искусство – Магия, а ее философия – Герменевтика. Без Мистики невозможен Гностицизм, использующий ее Сакральную Магию и рефлексию над ней, или Герменевтику. Разрывая эту цепь, лишая ее Мистики, мы получаем религиоведческое отступление, а не созерцание мистического опыта. Ибо как быть гностиком, не будучи мистиком? От Саксальной Магии остается тогда забавное суеверие, а человек жаждущий быть Магом, становится не господином себя и Мудрецом, но человеком, подвластным морским приливам, всплескам пламени и порывам ветра.

Философия, Философ? Над входом в Collegium Broscianum, где находится сейчас философский факультет Ягеллонского университета,[25] должно быть высечено даже не «Оставь надежду, всяк сюда входящий», но слова одного раввина, услышавшего, что его ученики стали интересоваться философскими новинками: «Там, где философия прекращает свои исследования, мы только начинаем». Я не Мистик, а стало быть, не Гностик, не Маг и не Герметик. Я студентка факультета антропологии, а значит – дальше за работу.

20 октября

Число семь, появляющееся в связи с фигурой Марии Магдалины: 1) Семь злых духов, изгнанных из нее Иисусом. 2) В Евангелии от Иоанна воскрешение Лазаря (брата Марии Магдалины) – седьмое чудо, совершенное Иисусом, начиная с чуда в Кане Галилейской. 3) В «Золотой Легенде», где описано раскаяние Марии Магдалины, можно обнаружить следующий фрагмент: «Постоянно обитая в крипте, она была возносима в Небо седмижды в день на руках ангелов, и слушала там, будучи еще в телесной оболочке, ангельский хор». 4) В «Житии Марии Магдалины», написанном Рабаном Мавром, длина гроба Господня составляет ровно семь локтей.

Необходимо напомнить себе другие символические семерки и проверить, могут ли быть полезны в анализе фигуры Марии Магдалины: 1) Второзаконие 15, 12–18: Через семь лет службы можно отпустить раба на свободу (если он это заслужил).[26] В «Зогаре» этот раб, освобожденный после семи лет, – душа, проходящая ступени очищения. 2) В мистической школе «Меркаба», чтобы достичь видения Престола Божия, следовало пройти через семь покоев, что соответствует странствованию через семь небесных сфер. В книге мсье Роше, изданной в серии исследований об учении катаров, я тоже кое-что нашла о семерке: «…для манихеев было установлено семь степеней инициации: четыре круга посвященных и три круга избранных. В инициации же катаров ссылались на семь ступеней Мудрости из поэмы Боэция».

Семь ступеней инициации, семь покоев, ведущих к Богу (об этих семи покоях писала также святая Тереза Авильская), – или переход через некий барьер в иную сферу духовности. Мария Магдалина – грешница; обращенная, очищенная от бесов, кающаяся и возносимая семь раз в день на Небеса, – не соответствует ли это схеме инициации, ведущей через очищение, покаяние и соответствующую магическую практику к новому состоянию души? Эти «барьеры», символический переход в иную реальность (духовную), представляет барельеф на портале XII века в Отене. Два ангела уносят святую Марию Магдалину на небо сквозь потолок кельи или свод грота.

В атаноре, имеющем форму башни, должна была происходить реакция превращения олова в золото, или трансмутация грешной души, обремененной вожделениями плоти, в состояние духовной чистоты.

А чем иным, как не такой метафорической трансмутацией,

была жизнь Марии из Магдалы (Башни), обратившейся грешницы, кающейся, очищающей свою душу до духовного совершенства, достойного вознесения до самого неба?

Мария Магдалина – покровительница Франции. Злые языки говорят, что эта страна имеет ту покровительницу, какую заслужила. Легенда, описывающая жизнь Марии Магдалины на юге Франции, в окрестностях Марселя, возникла в IX веке. Ранее считалось, что святая, оставив Иерусалим вместе с Марией, матерью Иисуса, и святым Иоанном, отправилась в Эфес и что там находится ее гроб. Якобы это был гроб святой Марии Магдалины и Семерых Спящих (семерых мучеников). Снова семь. Придется поискать что-нибудь об этих мучениках, если их действительно было семь.

30 октября

Конец октября, но еще по-прежнему тепло. Перед кофейнями и закусочными стоят столики. Я сижу за таким столиком с Жаком, студентом-теологом. В Польше стулья в кофейнях стоят друг против друга, что вполне естественно, поскольку люди встречаются, чтобы поговорить. Во Франции стулья расставлены так, что сидишь рядом с собеседником, лицом к улице. Чтобы посмотреть соседу в глаза или просто время от времени бросить на него взгляд, приходится всячески изворачиваться. Это утомительно – поэтому уже через четверть часа так или иначе начинаешь глазеть на улицу.

– Жак, я никогда не научусь писать по-французски. Письменный французский – иероглифическое письмо. Если никогда слова не видел, ни за что его правильно не напишешь.

– Ешь французский petit déjeuner,[27] пей французские вина, а орфография сама тебе в голову влезет. – Довольный своим рецептом, Жак съел пятый круассан.

– Знаешь что, если уж даешь советы, то мог бы забыть на минутку, что ты француз, и не говорить мне о еде и питье, а нормально, как теолог, порекомендовать какую-нибудь молитву Духу Святому о ниспослании дара хотя бы двух иностранных языков.

– Если б ты спросила меня, как быть, чтобы не грешить, я бы порекомендовал тебе литанию, но у тебя проблема с французским языком – вот я и посоветовал то, что адекватно твоему горю. Смотри, видишь тех двоих на перекрестке? Угадай, из какого они ордена.

И правда, дорогу переходили два монаха в коричневых облачениях.

– Не знаю. Может, францисканцы?

Жак, студент-теолог, возразил:

– Нет-нет. Это орден ряженых.

– Ты чего? – удивилась я. – Самые обыкновенные монахи.

– Может, и были обыкновенными – в средневековье, когда их одежда служила признаком бедности. Теперь нищие такое не носят.

– Ты не прав, – попробовала я переубедить Жака. – Хорошо, если монах выглядит как монах; и кроме того – традиция. В Кракове есть такая длинная улица, вдоль нее – каштаны, крепостные стены, церкви. Утром, когда падает снег, в тишине, по этой улице проходят чередой монахини в длинных черных плащах. Сейчас, двести лет назад, каждую зиму – глядишь сквозь

снег на эту черную процессию.

Жак погрозил мне круассаном:

– Смотри, попадешь в ад для эстетов!

– А ты – в ад для прогрессивных теологов.

Он рассмеялся:

– В каком это круге ада?

– В том, где самые страшные муки и нет круассанов.

Мы расплатились по счету: я за кофе, он за десять круассанов и три кофе.

4 ноября

Я просмотрела в читальном зале все еврейские словари и лингвистические комментарии к Ветхому Завету. В каком-то из томов нашла примечание, что цифра 7 встречается в Ветхом Завете 77 раз. Мне вспомнилось это через два дня, когда я делала библиографические заметки. Не могла найти тот фрагмент. Несколько часов пролистывала все известные мне словари, энциклопедии – и ничего. Магдала с нумерологическим значением 77 и семидесятисемикратно встречающаяся цифра 7 в Ветхом Завете – красивое было бы примечание! Я проверила на компьютере: слов с корнем «семь» в Ветхом Завете 961. Жаль, что не 77.

7 ноября

Анджей забежал к нам на минутку, послушать радио и посплетничать с Цезарием о политике. Он теперь живет около Эйфелевой башни, а там «Свободная Европа» не ловится.

– Ни в ванной, ни на чердаке, ну нигде! Все забивает Эйфель.

Просмотрел мои разбросанные бумаги и сочувственно спросил:

– Ты знаешь, во что ввязалась? Мало того что она святая, так еще и гностическая святая. С ней и с Софией гностиков можно соотнести всю Песнь Песней.

– Именно, что ввязалась. Отбирает у меня все время, ни рисовать, ни картины писать не хочется, целыми днями в библиотеках сижу. Сегодня нашла «Евангелие от Марии Магдалины».

– Знаешь, кто покровитель французских масонов? – экзаменовал меня Анджей.

– Святой Иаков Компостельский.

– Это с мужской стороны, а с женской?

– Магдалина, разумеется. Она первой пришла ко гробу Иисуса и поэтому стала покровительницей паломников в Святую Землю. Одни совершали паломничество морем, как рыцари в крестовых походах, тамплиеры, госпитальеры. Другие совершали паломничество в готических храмах, по лабиринтам на плитах пола – как средневековые масоны.

Мы проговорили почти до полуночи. По комнате пробежала заблудившаяся мышь и скрылась в окрестностях ванной. Мы проводили Анджея к последнему поезду метро. Возвращаясь, заглянули в дешевую забегаловку и засиделись там до половины второго в обществе одного кофе.

8 ноября

Возможно, из-за того, что я постоянно листаю Библию, мне в голову пришло нечто очень религиозное; настолько религиозное, что даже почти еретическое. Замысел картины: темный фон, на кресте Христос, а точнее, одни руки, проходящие на уровне поперечной перекладины креста. Ноги слегка обозначены, отчетливо – прибитые к кресту стопы, кончиками пальцев касающиеся земли. Там, где должна быть голова, продолжение вертикальной балки сквозь белый свет, раскалывающий сиянием почти черное небо. Под крестом Матерь Божия, задуманная как раннеготическая мадонна, она держит в руке розу, которая ранит ей пальцы. Слева – святой Иоанн с раскрытой книгой, барочно развевающиеся одежды, но его голова – голова орла. Это привносит впечатление чего-то египетского – человек с головой птицы. Матерь Божия и святой Иоанн в теплых, насыщенных тонах. Изображение святого Марка с головой льва несло бы в себе что-то языческое, но голова орла – это нечто совсем другое.

Вечером вернулась к Марии Магдалине. Задумалась, что еще ее выделяет среди других фигур Нового Завета: Ин 11, 31; Ин 20, 11; Ин 20, 13–16; Лк 7, 36–38. Мария Магдалина чаще всего та, которая плачет. Слово «слеза», по-еврейски «DIMAAH» דמעה в записи очень похоже на слово «познание», или гнозис, по-еврейски «DAAH» דעה. Если к «познанию» «DAAH» добавить букву М ם символизирующую воду, а следовательно, сущность слезы, получаем как раз слово «слеза», «DIMAAH». Адам и Ева, съевши запретный плод, стали «как боги, знающие добро и зло». Последствия этого знания (этого познания) были вполне печальными – приговор жить в трудах и страданиях, или в слезах горестей и боли. Слеза содержит в себе познание, горькое знание. Другое слово, похожее на еврейское слово «слеза», это слово «гроб», «DUMA». Мария Магдалина плачет у гроба Христа и у гроба Лазаря. Численное значение слова «Магдала» составляет 77 (70 и 7); 70 – значение буквы «Айин», символизирующей источник или глаз, источающий слезу. Мария Магдалина мало того что плачет, так еще и происходит из города, некогда изобиловавшего, как показали археологические исследования, множеством источников.

Если до сих пор в анализе слова «Магдала» я находила ассоциации, касающиеся вертикальной оси, то значит, и в этот раз плачущая Мария Магдалина должна иметь что-то общее с вознесением, распрямлением, или «ОМЕД» עמד. В зеркальном написании «возноситься, распрямлять» соответствует слову

«плакать, лить слезы» דמע. Раскаяние Марии Магдалины, ее слезы имели смысл – благодаря им душа «распрямляется», «возносится» из падения (греха), обновляется в своей силе. Христос говорит в Новом Завете, что для того, чтобы войти в Царство Небесное, надо родиться заново; тогда должен умереть ветхий человек, связанный с гробом. Входя в Царство Небесное, следует предварительно очистить себя слезами раскаяния.

Вода, слезы, возрождение вызывают ассоциации с очищающими водами крещения. По счастливой случайности я нашла цитату из средневековой книги (Пьер де Сель): «Мария Магдалина – заново крещенная (rebaptisée) в реке своих слез».

Знание, слезы, раскаяние, а если бы добавить к этому дерево (вертикальная ось, которой является также и башня), то мы оказываемся в райском саду у злосчастного древа познания добра и зла. В саду, аналогичном тому, в котором заплаканная Мария Магдалина встретила Христа-Садовника (Ин 20, 13–16). Не является ли Мария Магдалина новозаветным аналогом Евы? Ведь такая аналогия скорее применима к Марии, Матери Иисуса.

Сидя в библиотеке, я выписывала все фрагменты, имеющие отношение к Марии Магдалине. Сейчас эта работа мне пригодилась – я нашла цитату в проповедях Григория Нисского о том, как Христос поставил Марию Магдалину апостолом Благой Вести Воскресения: «Он (Христос) хотел, чтобы женщина стала для мужчин вестником радости, она, которая стала для Адама причиной горя».

А Рабан Мавр писал: «Мария Магдалина возвещает нам Жизнь, которую род человеческий утратил из-за Евы. Ева в раю дала своему мужу испить отравленный напиток, а Мария Магдалина приносит апостолам чашу Вечной Жизни. Ева первая вкусила горечь в райском саду и в саду, где был гроб. Мария первая видит победу над смертью. Соблазненная лживым обещанием: «будете, как боги, знающие добро и зло», Ева становится причиной грехопадения. Мария же возвещает апостолам воскресение Мессии».

Систематические комбинации согласуются, таким образом, с выводами, сделанными методом аналогии. Случайность? Возможно. Надо выяснить, представлена ли в иконографии Мария Магдалина в раю рядом с Евой.

12 ноября

Ночью запел петух. Какому нормальному петуху хватит наглости голосить среди ночи? В самом центре Парижа? Да ведь в Париже нет петухов! Есть консьержки, грохочущие по утрам мусорными баками, есть скрипящие шторы магазинов – но не поющие петухи. Пронзительное «ку-ка-ре-ку» превратилось в знакомое «др-р-р-р» телефона. Я проснулась, оценив поэтичность сна, заменившего звонок на деревенскую песнь птицы.

– Алло?

– Слушай, я классную байку придумал! – объявил кто-то радостным голосом.

– Войтек? Знаешь что, может, байки и рассказывают перед сном, но я уже сплю. Позвони завтра.

– Но это не просто байка. Это байка-недоебайка.

Я попробовала закончить бессмысленный разговор:

– Оставь меня в покое.

– Всего три минуты, послушай, – попросил Войтек. – Байка-недоебайка: Рыцарь Страхбожий ехал через лес, в котором с незапамятных времен раздавался таинственный звук «дуп, дуп». Отважный Рыцарь решил разгадать загадку таинственного «дуп, дуп». Увы, прошло много лет, а Рыцарь Страхбожий так и не разгадал терзавшей его загадки таинственного леса, в котором слышен был звук «дуп, дуп». Конец. Правда, здорово? – уточнил Войтек.

– Я преклоняюсь перед тобой, о недоебайкописатель. Спокойной ночи. – Я повесила трубку.

Весь день был похож на недоебайку Войтека. Сначала меня попытались гильотинировать двери метро, а потом я позволила уговорить себя пойти на заседание клуба антропологов.

Я уже побывала на нескольких предыдущих заседаниях и на этот раз не хотела попусту тратить время. Меня не волнуют проблемы феминисток, гомосексуалистов или признания мужчины, который чувствует себя лесбиянкой. Председатель клуба, занимающийся экологией и изучающий понятие репрессии в европейской культуре, убеждал меня, что сегодня будет нечто особенное, безумно интересное, новаторское и вообще – бомба.

В зале собраний сидели человек пятнадцать, стулья расставлены по кругу, и трудно понять, кто здесь – приглашенная сенсация. Председатель, как водится, начал говорить о равноправии гомосексуалистов и лесбиянок, о предоставлении заключенным возможности вести нормальную половую жизнь, о борьбе с предрассудками и опровержении вредных мифов.

Внезапно он сменил тему и напомнил историю японского студента, который, будучи в Париже на языковых курсах, пригласил к себе как-то вечером знакомую голландку. Пригласил на ужин – в буквальном смысле слова на ужин, поскольку после очаровательного вечера порубил ее на кусочки и частично съел. То, что осталось, убрал в холодильник.

– Японец был признан сумасшедшим, но не является ли термин «сумасшествие» условным? Разве наше общество не запирает в психиатрических больницах всех тех, чья индивидуальность не ограничена произвольными рамками нормальности? – обличительно вопросил собравшихся председатель клуба. – В человеческом организме скрыто много рецессивных черт, которые могут проявиться достаточно неожиданно. Общество – тоже своего рода организм. А значит, можно ожидать, что в человеческом сообществе, даже находящемся на очень высоком уровне развития, скрыты некоторые рецессивные черты, проявляющиеся нередко весьма бурно, но не в крупных масштабах, а в единичных случаях. Эти единичные события, как показывает упомянутый случай японского студента, квалифицируются как действия особей умственно неполноценных или – чаще – как преступления.

Общество хочет забыть о своем видовом прошлом и репрессивно относится к лицам, которые служат живым напоминанием о времени, когда каннибализм практиковался в ритуалах и был просто частью религиозных обрядов. Источником ритуального каннибализма была реальная потребность дополнения меню наших доисторических предков человеческим мясом. Вероятно, этого требовал наш первичный метаболизм – и до сих пор требует у некоторых особей, скажем так… рецессивных. Это факт, все чаще подтверждаемый криминальными хрониками.

Так давайте все вместе разрушим предрассудки и поможем нашим ближним, которые скрывают в себе первобытный метаболизм, свойственный некогда всем нам.

Мы пригласили на сегодняшнюю встречу Франсуа, который расскажет нам о своем опыте. – Председатель указал на типа лет тридцати, с запавшими щеками и глазами, обведенными темными кругами. Франсуа встал, поклонился и снова сел в удобное кресло. Председатель поощрил Франсуа к откровенности: – Пожалуйста, расскажи нам о своих проблемах, ты – среди людей, которые хотят помочь тебе, которые наверняка тебя поймут.

Франсуа по-прежнему молчал, но, вероятно, впал в глубокую задумчивость, поскольку начал – как делаю г в подобных ситуациях большинство французов – ковырять в носу. Вскоре он

очнулся, посмотрел на улыбающегося председателя и как будто что-то вспомнил.

– Нет, я не верующий, ну, может, иногда, но чаще – нет. Уже несколько лет у меня голод, голод по чему-то, чего я еще никогда не ел. Как-то раз я увидел старушку, которую переехал грузовик, это было летом, от тела еще шли испарения, и я понял, что мой голод – это голод по человеческой плоти и человеческой крови, – признался Франсуа и замолчал.

– Тебе удалось удовлетворить свою потребность? – спросил один студент.

– Да, – коротко ответил Франсуа, – но потом я испугался, что застукают.

– Ты мог бы ответить подробнее, как ты удовлетворил свою потребность? – допытывался любознательный студент.

Франсуа неуверенно посмотрел на терапевтически улыбающегося председателя.

– Я иногда подрабатывал помощником в больнице в хирургическом отделении. Но на самом деле я брал то, что осталось после операции и больше уже никому не пригодится.

– А этот голод часто на тебя нападает? – спросила девушка, которая все время что-то записывала.

– Ну, может, раз или два в год.

– Ты можешь конкретно определить время года или месяц? – раздался весьма обстоятельный вопрос.

– Не знаю, – честно ответил Франсуа.

– А если бы не было работы с такими выгодными отходами, то ты мог бы напасть на кого-нибудь, вот так, на улице? – ненаучно забеспокоилась девушка с излишне богатым воображением.

Но тут председатель поблагодарил Франсуа и повернулся к несколько сконфуженной аудитории.

– Друзья, предлагаю подписать петицию, требующую открыть доступ в больницы и специализированные медицинские центры для таких людей, как Франсуа. Я считаю это обязательным по нескольким причинам. Во-первых, это позволило бы удовлетворить гуманным способом рецессивные потребности. Кроме того, мы избежали бы нежелательных для общества случаев нарушения закона. Во-вторых, с этих людей снимется комплекс неполноценности. В итоге все поймут, что каннибализм есть еще одно проявление богатства природы homo sapiens. В конце коннов такая акция позволила бы нам, антропологам, непосредственно провести фундаментальные лабораторные исследования этого интересного явления. И в-третьих, распределение человеческого белка, который уже никому не

пригодится, как выразился Франсуа, проводимое под медицинским контролем, предохранит потребителей от заражения СПИДом. Предлагаю основать комитет защиты рецессивного каннибализма и…

Я ушла с собрания не потому, что имела что-нибудь против защиты рецессивного каннибализма – история Франсуа меня даже растрогала, – но я не люблю состоять в комитетах, являющихся узаконенной и окостенелой формой общественной активности.

15 ноября

Лучшая работа, посвященная иконографии Марии Магдалины, – книга мадемуазель Мадлен Дельпьер. Эта книга сохранилась в рукописи и находится в библиотеке Лувра. Я не являюсь студенткой школы Лувра, а значит, не могу пользоваться ее великолепным книжным собранием. Однако пытаюсь уговорить библиотекаря, чтобы он выдал мне в читальный зал одну-единственную книгу, которой нигде больше не достать.

– Нельзя. Вы должны записаться в школу Лувра.

Я не хочу записываться в эту снобистскую школу для благовоспитанных барышень, но ничего другого не остается.

– Ладно, на один семестр запишусь. Где тут секретариат?

– Очень жаль, но сейчас середина ноября, и мы не принимаем новых студентов, – с удовлетворением сообщил библиотекарь.

– То есть как это? Чтобы получить книгу, надо записаться, но записаться нельзя, потому что уже поздно?

Библиотекарь пожал плечами и пошел есть бессмертный petit déjeuner. Дама, которая его сменила, сказала, что не надо никуда записываться. Один раз, в виде исключения, мне можно прочесть книгу в читальном зале. Работа мадемуазель Дельпьер, написанная в 1947 году, оказалась докторской диссертацией и хранилась, согласно каталогу, в библиотечном архиве, то есть совсем в другом здании. Я прошла через Квадратный двор, достала пропуск и добралась до архива. Очень симпатичная дама проглядела каталог, в котором обнаружила, что работа мадемуазель Дельпьер находится в библиотеке музея Галлиера.

Что может быть приятнее, чем прокатиться на метро от станции «Лувр» до станции «Йена»? На месте я узнала, что музей Галлиера – это музей моды и костюма, а в библиотеку можно пройти после предварительного (не менее чем за день) заявления в секретариат. Я состроила страдальческую гримасу иностранца, в аккурат опаздывающего на самолет в свою заморскую страну, и в конце концов портье позволил мне войти.

Дамы-библиотекарши, удивленные моим вопросом о работе мадемуазель Дельпьер, сказали, что в Лувре, наверное, ошиблись, потому что у них ни одной книги о Марии Магдалине нет. Я вернулась в Лувр, протрясясь полчаса в набитом метро. Пропуск, Квадратный двор, очень любезная дама еще раз сверяется с каталогом и отправляет меня обратно в музей Галлиера. Там – снова переговоры с портье и вновь удивленные дамы-библиотекарши, но на сей раз удивленные несколько более конструктивно.

– Откуда у нас, в музее костюма, может быть книга о святой и вдобавок святой, единственным костюмом которой были ее волосы?

Сильный аргумент, но у меня нет сил возвращаться в Лувр. Я уговариваю библиотекарш порыться в каталоге, однако, к моему удивлению, они звонят директору музея. Через минуту директор является лично в образе очаровательной пожилой женщины, представившейся мне как мадемуазель Дельпьер.

Я была безмерно счастлива, что мадемуазель Дельпьер до сих пор пребывает в добром здравии и работает, в противном случае я бы никогда не смогла прочесть докторскую диссертацию, которую она хранила у себя, в частной квартире, а не в библиотеке музея Галлиера, как ошибочно указывалось в каталогах.

Поиски работы мадемуазель Дельпьер себя оправдали. Благодаря ей я нашла фотографию портала церкви двенадцатого века в Нейи-ан-Дижон, на котором изображены рядом Мария Магдалина и Ева. С левой стороны барельефа Адам и Ева в раю едят запретный плод – Грех. С правой: трапеза у Симона, Мария Магдалина, грешница, склоненная перед Христом, мажет миром Его ноги – Покаяние. Внизу Мадонна с младенцем и три волхва, приносящие дары.

Комментарий под описанием портала: «Это наиболее расширенная многофигурная композиция сцены помазания миром ног Христа. Во французском средневековом искусстве эта сцена ограничивалась изображением Марии Магдалины и Иисуса, без остальных персонажей».

Если пара Адам – Ева была для гностиков аллегорией андрогинности, то какая роль отводится в этой символике Марии Магдалине в сопоставлении с Евой? Ноги, голова, башня, Мария из Магдалы, Мария – Матерь Иисуса, Ева. И как понимать следующий фрагмент Книги Бытия: «и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту»? Должно существовать простое объяснение, но как на него выйти? Мария Магдалина, помоги, ибо сама я тут ничего не придумаю.

17 ноября

По приезде во Францию я встречала поляков, покинувших родину во времена военного положения, и поляков, проживших за границей всего пару месяцев или дней. И те, и другие задавали мне один и тот же вопрос: «Что там в Польше, что нового? Как там сейчас?» В зависимости от дотошности и любопытства спрашивающего извлекались воспоминания двух-трехлетней или недельной давности. О ценах на сыр, курсе доллара, о задымленности в Гуте, воспоминания – красочные, до самых мельчайших подробностей. Одно из них настолько фотогенично, кинематографично, что это уже почти кич.

Май восемьдесят восьмого. Ночью в бастующую Гуту вошли ZOMO;[28] избитые рабочие, неподтвержденные, но весьма правдоподобные слухи об убитых и тяжелораненых. В Ягеллонском университете митинг, на котором мы должны проголосовать, начинаем ли мы забастовку солидарности или расходимся по домам. Речи о каких-то соображениях государственного порядка, о бессмысленном растранжиривании достояния (кажется, национального, точно не расслышала), перед Collegium Novum[29] стоит грузовик, набитый громилами из «антитеррористической» бригады.

Житель Гуты, у которого попросили совета, говорит, что не может решать за нас. Гута, несмотря на кошмарную ночь, по-прежнему бастует, и забастовка университета в центре города имела бы смысл. Часть толпы хочет бастовать, часть не хочет. Те, кто захватил с собой еду и спальники, пытаются убедить реалистов остаться. Все как в кошмарном сне, то, что должно быть логично и реально, исчезает, только из громкоговорителей звучат призывы к спокойствию, благоразумию и выбору другой формы сопротивления. Кто-то надумал послать телеграмму Папе. Абсурд, но почти никто не смеется, сочиняя фразы, в которых сообщается о правонарушениях и нашем студенческом несогласии с таким положением вещей.

Вечером в студенческом городке объявлена забастовка. Достаточно странная мысль о забастовке в общежитии, но есть надежда, что через некоторое время мы переберемся в Collegium Novum. Мало кто готов что-то делать – расклеивать плакаты по городу, помогать семьям убитых жителей Гуты, раздавать листовки. Большинство остается в комнатах и зубрит к сессии или разбегается по домам из страха, что ZOMO войдет в студгородок. Мы сидим в «Акрополе»,[30] пытаемся делать транспаранты: полонист и историк сочиняют лозунги, я ищу

людей, умеющих разборчиво писать, а студент-философ Лемке, по совместительству чернорабочий, карабкается по карнизам и подоконникам нашего многоэтажного общежития, прикрепляя уже готовые, намалеванные на простынях, транспаранты. Как выяснилось впоследствии, у философа Лемке в глаза был закапан атропин, и он пребывал в легком шоке (сотрясение мозга) после стычки с полицией.

Очень скоро у нас закончились краски. Ночь, магазины закрыты, а до утра надо увешать плакатами стены. Мы бегали по комнатам, просили нести в клуб плакатные перья, фломастеры, акварель, что угодно, все, чем можно писать. Через час я пошла посмотреть, принес ли вообще кто-то хоть что-нибудь. Обнаружилось несколько засохших красок и большая коробка, а в коробке… больше десятка тюбиков губной помады – красной, кирпичной, наполовину использованной, свежераспечатанной. Будь я мальчишкой, быть может, не оценила бы жест тех девушек из «Акрополя». Но больше десятка тюбиков губной помады, в восемьдесят восьмом году в Польше, где покупка настоящей хорошей помады фирмы «Celia» или «Pollena», благодаря которой губы хоть немного напоминали губы моделей из «Vogue», а не грим леди Макбет в последнем акте, была предприятием, требующим удачи, времени и прежде всего немалых расходов по сравнению со стипендией! Губная помада была не новая, а значит – любимая, тщательно подобранная, добытая после долгого стояния в очереди перед парфюмерным магазином.

Я оставила коробку себе, и это единственная вещь «из прошлого», которая хранится в моем родном доме в Польше. Я никогда не могла накопить вещей. Постоянно переезжая, оставляла кастрюли, рисунки, картины, книги. За несколько лет я раз двадцать меняла квартиры и комнаты, и всегда самой большой проблемой были книги, поэтому я отказалась от личной библиотеки. Если опрометчиво покупала какую-нибудь книгу, при очередном переезде отдавала ее, чтобы тучнели полки и шкафы моих знакомых. Во Франции я осознанно не покупаю книжек. Несмотря на искушение красочных обложек, небольших форматов, я предпочитаю ходить в библиотеки, а не в книжные магазины.

Моему дому всегда было пять минут – ровно столько, сколько требуется на то, чтобы собрать большой рюкзак. Коробку с разноцветной помадой я сохранила специально, «на память»: это было нечто настолько поразительное, что могло бы служить комментарием к тому времени – времени небытия, как сказал бы какой-нибудь крепкий поэт.

20 ноября

В библиотеке центра «Севр» можно сидеть часами. Читальный зал заставлен шкафами с полными собраниями отцов Церкви, в глубине – две огромные пыльные полки эзотерических книг. На первом этаже продают чай, кофе, шоколад. Полный комфорт, ненавязчиво располагающий к работе.

Сегодня я снова потянулась за сочинениями святого Иеронима и наткнулась на фразу: «Пусть никто не путает ту женщину, которая возлила миро на голову Христу, с той, что омыла Ему ноги» и далее: «Вторая омыла Ему ноги слезами и отерла волосами своими – ее прямо называют блудницей. Что касается первой, Евангелие не говорит о ней ничего подобного. Блудница не могла бы коснуться головы Господа». Несмотря на то что в Евангелии от Иоанна 11, 2 сказано однозначно: «Мария же, которой брат Лазарь был болен, была та, которая помазала Господа миром и отерла ноги Его волосами своими». Ориген пишет то же самое, что и святой Иероним, добавляя еще, что грешница должна была омыть Иисусу ноги, а святая – голову. Дом Симона прокаженного, где имела место сцена отирания миром ног Иисуса, был заполнен, согласно Оригену, отвратительным запахом, который должен был символизировать царство зла в мире. «Я полагаю, – пишет Ориген, – что прокаженный является персонажем демоническим, это князь мира сего».

Симон, блудница, святая. А разве Елена, обожествленная Идея, не была блудницей, пока Симон Волхв не нашел ее в публичном доме и не признал в ней воплощение Вечной Женственности? Очевидно, Ориген, когда писал о Симоне, принимавшем в своем доме Иисуса, и кающейся блуднице, не имел в виду Симона Волхва. Но, может быть, столь категоричное разделение образа святой и грешницы в сочинениях Оригена и святого Иеронима было каким-то образом связано с ересью симониан, может, это было защитой от нее. О Симоне Волхве и Елене надо будет что-нибудь поискать в книгах Кульмана и Киспеля.

21 ноября

Киспель: Елена в гностицизме симониан (II в. н. э.) считалась творческой мыслью, женским аспектом Бога. Ее изображают с факелом в руке – как ту, которая указала свет демонам хаоса.

А вот то, что меня очень заинтересовало: Елена, чтобы доказать свою божественность, явилась своим последователям одновременно в нескольких окнах башни. Киспель использует этот факт, чтобы выяснить, откуда взялась «дурная слава» Елены: в эпоху античности башня (по-гречески purgos) служила жилищем (tegos). Если симониане говорили, что Елена стояла на башне (epi purgou), это могло быть с таким же успехом понято как то, что она стояла на крыше дома, что по-гречески означало также занятие проституцией.

Выяснилось пока что немного, но несомненные совпадения удивительны. Башня (по-еврейски МиГДоЛ) могла ассоциироваться в греческом языке – а это язык, на котором написано Евангелие, – с проституцией.

Киспель пишет, что Елена символизировала душу, которая опустилась в мир тьмы, потому что ею руководила похоть. Блудница, похоть, прелюбодеяние – все это складывается в аллегорически-символическую логическую последовательность. Причина падения Софии гностиков, как и Елены (гностицизм симониан берет свое начало из дохристианских времен), – тоже «похоть». Падшая душа (метафизически), падшая женщина (нравственно) – занятная аналогия. Возможно, она объясняет популярность Марии Магдалины в некоторых гностических кругах: Мария Магдалина, будучи блудницей, или падшей женщиной, представляла собой эквивалент Софии, заключенной в мире тьмы. Так же как и Софию, Марию Магдалину спасает Христос, освобождая ее от греха. Падшую Софию преследуют семь архонтов, подобно тому, как Марию Магдалину – семь нечистых духов.

В гностицизме валентиниан падшая София жаждет вернуться в царство святости. Место ее пребывания – Пафос (по-гречески – страдание). Отец, сжалившись над участью Софии, посылает Христа, чтобы Он вызволил ее из Пафоса.

Существует ли тут несомненная аналогия с судьбой Марии Магдалины? Пожалуй, что да, так как и Мария Магдалина находится в доме страдания, как можно было бы перевести еврейское слово Betania (Вифания). Христос один-единственный раз приходит к Марии (так же, как Христос пришел к страдающей Софии), и это место – Вифания. Обычно же именно Мария

Магдалина устремляется за Учителем: приходит в дом Симона, следует за ним даже на Голгофу. Это она первая бежит ко гробу Христа, а когда слышит Его голос, еще должна обернуться и сделать шаг вперед, пытаясь прикоснуться к Нему. В Новом Завете только дважды упоминается, что Христос идет к Марии Магдалине. Первый раз – это сцена, предшествующая воскрешению Лазаря в Вифании. Но, вчитавшись в текст, можно заметить, что и в этот раз Мария Магдалина идет к Учителю, а место встречи не Вифания: Ин 11, 28–30: «…[Марфа] пошла и позвала тайно Марию, сестру свою, говоря: Учитель здесь и зовет тебя. Она, как скоро услышала, поспешно встала и пошла к Нему. Иисус еще не входил в селение, но был на том месте, где встретила Его Марфа».

В таком случае можно заметить, что Христос идет к Марии Магдалине только один раз – в сцене трапезы в Вифании – Лк 10, 38–39: «В продолжение пути их пришел Он в одно селение; здесь женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой; у неё была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его». Во время этой трапезы Мария «…избрала благую часть, которая не отнимется у неё».

То ли действительно такая символика была очевидна для гностиков, читавших «Евангелие от Марии Магдалины», то ли это тоже мой вымысел – игра словами (Пафос, Вифания). Жонглирование цитатами и аналогиями.

Остается еще загадка святой блудницы (Марии Магдалины), обожествленной проститутки (Елены).

24 ноября

Каждую пятницу после семинара, где мы, страница за страницей, изучаем Рабана Мавра, я оставляю чарующее средневековье и возношусь на лифте на три этажа выше, в аудиторию 802, в не менее любопытное общество. Я сижу на подоконнике; если опаздываю, ищу свободное место на полу и в течение двух часов восхищаюсь апокалиптической битвой Истины и Лжи, Фактов и Интерпретации. Сценой этих сражений является еженедельный семинар профессора Алена Безансона, их участниками – профессор с группой своих приверженцев и его противники, сосредоточенные вокруг советолога Владимира Береловича. Все дискуссии, касающиеся войн на Ближнем Востоке или засухи в Африке, являются только прелюдией к главному вопросу: что такое перестройка – не более чем маневр, призванный усилить власть Горбачева, или все-таки реальный конец коммунизма. Каждый политический шаг Горби объясняется группой профессора Безансона в терминах: «провокация», «ловкая, изобретательная провокация». Сторонники Береловича утверждают, что перестройка – это конец провокации и что все меняется к лучшему, кроме образа мышления безансонцев. Если эту схему распределения упростить, одновременно обогатив интерпретацией взглядов, которыми мы обмениваемся в ходе дискуссии с противниками, то можно попробовать догадаться, что думают друг о друге участники семинара. А именно: группа Безансона, ссылаясь на политические факты и блестяще аргументируя свое мнение, поглядывает на своих семинарских противников с выражением превосходства и легкого омерзения, обвиняя их в неинформированности, подверженности пропаганде или просто в криптобольшевизме. Группа Береловича, закаленная в дискуссионных сражениях, комментируя те же самые факты, интерпретирует их с точностью до наоборот и бросает взгляды в сторону профессора Безансона и его приверженцев, долженствующие выражать сострадание и сочувствие – вот, полюбуйтесь, жертвы паранойи.

Тут мы рискуем угодить в настоящую ловушку; если образ мышления безансонцев столь явно отдает паранойей, то они все-таки правы, поскольку в соответствии с методологическими принципами пользуются инструментами, адекватными объекту познания, а коммунизм, несомненно, творение параноидальное.

Рухнула Берлинская стена, группа Береловича торжествует: «А мы что говорили? Коммунизм рушится, теперь видите, что мы правы?» На это группа профессора Безансона отвечает: «Вот

посмотрите, русские еще войдут через эту Стену в Германию. Мы как раз наблюдаем начало незаметной нейтрализации и поглощения Западной Европы».

Спор ведется в присутствии консулов в отставке, известных политических советников и нескольких студентов с несказанно богатым воображением. Я болею за одного из таких юношей, украшая его сюжеты реалиями из жизни Восточной Европы. В последний раз он заявил, что Чернобыль есть превосходно использованное бедствие, так как в надлежащий момент СССР может шантажировать Европу тем, что вскроет саркофаг.

Консулы в отставке тоже рассказывают занимательные истории, только не из будущего, а из прошлого, вспоминая свою работу в представительствах. Один из консулов недавно вернулся из Зимбабве, где СПИД распространен так же, как у нас насморк. В опустевших деревнях бродят одни только старики и малые дети. Как известно, лекарства от СПИДа еще не нашли – ну а достижения народной медицины на что? Так, какой-то шаман придумал, что действенным средством избавления от этой болезни является изнасилование белой женщины. Когда несколько больных испробовали лечение на улицах Хараре, все белые женщины Зимбабве покинули. Рассуждая логически, теперь пришла очередь белых мужчин, поскольку почему бы не счесть, что лучшим средством от СПИДа вместо изнасилования белой женщины является изнасилование белого мужчины?

Другая история случилась в Конго, где какой-то из тамошних туземных царьков после получения диплома католической школы позволил обратить себя в марксизм, дабы обезопасить свою власть как справа, так и слева. К сожалению, его ускоренная европеизация не понравилась соплеменникам. В один прекрасный день шаман начал творить какие-то чары, и царек сгинул, физически сгинул.

После семинара я снова иду в библиотеку, но не затем, чтобы просматривать разные книги, полагаясь исключительно на удачу. Надо работать в соответствии с методом. Метод состоит в постоянном размышлении о каком-то вопросе. Даже если о нем время от времени забываешь, наш разум дальше работает над тем, что мы задали, и, как очень медленный компьютер, выдает в итоге ответ: если хочешь знать, почему существовал такой легкий переход от образа блудницы к образу святой, подумай о культе Великой Богини, которой поклонялись в Сирии и Палестине, как раз там, где жили Мария Магдалина и Елена. Я беру книгу Джеймса о Матери Богине. В разделе о Ближнем Востоке нахожу, что уже в бронзовом веке на территории Палестины поклонялись Великой Богине. Из сохранившихся свидетельств известно, что ее,

вероятно, звали Анат, Ашерат, Астарта или Ашарон. В Сирии и Палестине культ Богини всегда был связан с обычаем ритуальной проституции. В Израиле поклонялись Ашерат и Ваалу – богу плодородия. Когда культ Ягве начал вытеснять культ Ваала, ритуалы, совершаемые храмовыми проститутками, стали постепенно исчезать. Но сам культ просуществовал вплоть до Исхода, несмотря на усилия Иосии, который разрушил жилища храмовых проституток, практиковавших свои обряды во славу Ашерат в Иерусалимском Храме (4 Книга Царств 23, 7). Даже если наем храмовых проституток и не одобрялся (Второзаконие 23, 18),[31] то деньги, ими заработанные, приносились в честь Ягве.

Жрицы Астарты – храмовые проститутки, или «святые блудницы». В библейском словаре я обнаружила, что проституция – синоним идолопоклонничества. *Кадош* Brtnp, или *кадоша* гдоПр означает юношу или девушку, которые поклоняются идолам, принося в жертву свою невинность и прелюбодействуя. Слово, означающее святость, ритуал, очищение тоже звучит как *кадоша.* Двойное значение слова *кадоша* рПр (святость, проституция) сохранило в себе историю перехода от храмовой проституции последователей Астарты к признанию их обыкновенными проститутками.

Святая – проститутка, что может быть проще (Симон Волхв говорил по-еврейски), чем переход между идентично звучащими словами *кадоша.*

В гностицизме человеческая душа – «падшая» душа и поднимается к *Плероме,* достигая совершенства. Мария Магдалина, грешница с Башни, каялась, чтобы подняться к совершенству.

Благодаря сегодняшнему открытию я могу несколько дней не прикасаться к книгам. Дам себе заслуженный недельный отпуск.

1 января 90

Мой первый Новый год в Париже. Мы с Цезарием были у Триумфальной арки – трудно сказать точно, на балу, на гулянье или на приеме, поскольку все зависит от того, о каком моменте мероприятия говорить. Около полуночи прибежал распорядитель, схватил мегафон и помчался устраивать хэппенинг на Елисейских Полях. После новогоднего тоста мы пошли посмотреть новогоднее безумие на улицах. Безумие тянулось от площади Звезды до площади Согласия, все друг с другом целовались. Чтобы избежать обязательных поцелуев с проходящими мимо нас радостно распевающими французами, алжирцами и американскими туристами, мы брели сквозь толпу, страстно обнимаясь. Занятые долгими поцелуями, мы видели немного: пару американцев, закутанных в одну куртку с капюшоном и сидя занимающихся любовью прямо у Триумфальной арки; джентльменов в возрасте от десяти до девяноста лет, стоявших в ряд и дружно мочившихся на угол роскошного здания. Меньше нас видели, наверное, только водители машин, застрявших в толпе. По стеклам экипажей стекало шампанское, и время от времени кто-нибудь особо приветливый пытался целовать пассажиров сквозь щель опущенного стекла.

Смеющиеся итальянцы вылезли из своего экскурсионного автобуса, раскачали его и опрокинули с криком: «Viva Italia!»[32] Они были пьяны настолько, что блаженно улыбались бегущим к ним ребятам из CRS.

10 января

Ora et labora, labora, labora.[33] После каникул трудно возвращаться к книгам. Я пытаюсь сделать немного заметок в библиотеке, но вскоре спускаюсь вниз выпить чаю и подумать. В полдень отказалась от работы вообще и решила пообедать в «Макдоналдс». Когда несла поднос, поскользнулась и рассыпала второе блюдо. Вазочка с мороженым разбилась вдребезги. Ко мне тотчас же подбежал молодой человек из персонала и проводил к кассе. У меня с собой было только пять франков. Девушка в кассе не потребовала с меня никаких денег за ущерб, наоборот, положила на мой поднос то же, что я заказывала раньше, и еще извинилась за скользкий пол, на котором так легко потерять равновесие.

Леность – грех, а грешить приятнее всего сообща, поэтому я позвонила Цезарию, договорилась пойти в кино. Мы купили белое бордо и попивали его, смотря «Мои ночи прекраснее ваших дней» Жулавского.[34] История тридцатилетнего компьютерного гения, узнавшего, что его мозг пожирает новообразование, – таков более или менее сюжет, а потом уже только Жулавский: дивные образы, безумие, метафизические трактаты, и все в конце концов тонет в умиротворяюще колышущемся океане.

«Дьявол» Жулавского – лучший польский фильм. Шедевр человеческого и нечеловеческого гения, не для тех, кто воспитан на фильмах нравственного беспокойства. «Дьявол»? Символический фильм? Показать изнутри. высотное здание и «Фиат-126р» плюс душевный разлад благородного Малиняка, который не хочет брать взятки, – это понятно, но показать изнутри душу – не совесть, только душу, – этого показать нельзя, поскольку этого нет. Малиняк есть, души Малиняка нет. Я ничего не имею против фильмов «морального непокоя», мне только жаль фильмы, которые никогда не были созданы, поскольку они слишком прекрасны для того, чтобы быть понятными. «Дьявол» – фильм метафизический, исторический, современный (март 1968). События двухвековой давности соединились с событиями недавнего прошлого в то самое польское настроение – траты сил в безумии невозможности и оправданий очевидной измены интересами государства.

Откуда дьявол, если все потеряли свободу и некого уже искушать? Главный герой просидел начало третьего раздела Речи Посполитой в заключении, поэтому не имел возможности, как другие, изменить свои взгляды и подчинить свою точку зрения мягкой эволюции, ослепляющей рассудок. Живя так, словно

Польша еще существует, он ведет себя как свободный человек, что и впрямь напоминает безумие. К последнему человеку, обладающему свободой воли, подступает дьявол и искушает. Искушает возвращением в измененную реальность. Говорили, что «Дьявол» эпатирует жестокостью. Те, кто привык к буквализму комиксов, забывают, что в произведении искусства кровь бывает аллегорией. После просмотра фильма 1972 года становилось понятно, что Жулавский уедет из Польши – «пострадал за многих», подумал за многих, и больше он здесь не нужен.

17 января

Леность наказуема. Сегодня в библиотеке обрадованная Алиса выдала мне книгу, специально для меня отложенную: «Мария Магдалина и ее тайна» Жака Бонне. Я полистала, полистала – и уже знаю, что вся моя работа была напрасной. Книга Бонне издана в 1988 году… Если бы я приехала во Францию годом раньше, всего лишь годом раньше! Теперь моя работа будет признана плагиатом. Я брела домой в состоянии полного упадка – не буду ничего больше делать, полгода потеряно впустую. Цезарий попытался меня утешить:

– То, что ты пишешь, идентично тексту Бонне?

– Да, и он написал больше, чем я, о башне и о числе семьдесят семь.

– Но там наверняка нет ничего о Елене, Симоне Волхве, нет объяснения связи между блудницей и святой, нет о Вифании.

– Нет, но он тоже напал на след Софии и сделал гениальный комментарий к Песни Песней, – причитала я. – Ничего больше не напишу, тему менять слишком поздно, осталось полгода.

– Не хочешь писать – марш работать! Забыла уже, как мыла полы и работала по ночам на очаровательнейшем консервном заводе? – глумился Цезарий.

– Хватит с меня чужие полы драить, я на это не гожусь.

– Ну почему же?

– А потому что я совсем дохлая, меня от этого тошнит, и вообще я бы за это время сделала много чего полезного. Я не создана для черной работы. В библиотеке – да, но не на конвейере и не у лохани!

– Спесь в тебе истинно княжеская, – прокомментировал мою защиту Цезарий.

– Почему княжеская? – заинтересовалась я, вспоминая генеалогию близких и дальних родственников.

– Забыла, кто князь мира сего? Кончай ныть. Бонне написал несколько книг, а ты студентка, от тебя меньше требуется. Кроме того, он не дал вообще никакой иконографии. Ты сейчас должна сделать две вещи: связать каким-нибудь образом свои исследования со средневековьем, это ты уже сделала, давая цитаты из Рабана Мавра, и воспользоваться работой Бонне.

– Не могу я писать плагиат, – усомнилась я в ценности мужнина совета.

– А я и не призываю тебя списывать с его книги. Ты подумай, он дал целую главу о «Пистис Софии»[35] и Песне Песней, тем самым избавив тебя от рассмотрения этих двух предметов.

Ссылаешься в библиографии на Бонне, отмечаешь, что он уже доказал несомненную связь, и идешь дальше.

Сказано – не значит сделано, но попытаться стоит.

7 февраля

Я постоянно ношу с собой книгу Бонне и проверяю: писал он это или не писал, обнаружил эти аналогии или не обнаружил.

Начала писать об Артемиде. У Бонне тоже, естественно, есть такая глава. В ней – ссылка на постановление первого Эфесского собора, согласно которому «После воскресения Христа апостол Иоанн и Пресвятая Дева Мария отправились в Эфес, а вместе с ними Мария Магдалина». Бонне цитирует и Страбона, который описывает, как жители Фокеи, спасаясь от вторжения варваров, повернули свои корабли к Эфесу. В этом городе был один из самых прославленных храмов Артемиды. Жрицы богини присоединились к беглецам и после долгих странствий достигли вместе с ними дельты Роны, где и основали святилище богини-охотницы.

8 начале XX века, при реконструкции улицы в Марселе, нашли стелу Артемиды из этого святилища, некогда возвышавшегося над старым портом. Эфесская богиня была изначально неолитической Матерью Богиней, которая в греческой мифологии получила имя Артемида, а У римлян – Диана.

Любопытное совпадение – в то же самое место, где когда-то причалил корабль спасающихся бегством жриц, прибыла изгнанная из Эфеса язычниками Мария Магдалина. Марсельцы поклонялись христианской святой так же пылко, как несколькими веками ранее Артемиде Эфесской.

Джеймс пишет, что культ Артемиды в Эфесе имел оргиастический характер, в ее святилище практиковалась храмовая проституция. Среди всех женских фигур Нового Завета только Мария Магдалина до своего обращения могла бы быть фигурой, аналогичной жрицам Артемиды. Бонне объясняет легкость, с которой марсельцы приняли новую религию, очевидным сходством между тем, с чем у них могли ассоциироваться Артемида и Магдалина. А именно – слово ekmassein, употребляемое святым Лукой для обозначения способа, которым плачущая женщина вытирала своими волосами ноги Христа, предполагает разделение волос на две косы. В античности Марию Магдалину изображали как раз с длинными косами, а не так, как в более позднее время, укрытую плащом распущенных волос. Артемиду же, а особенно Артемиду Эфесскую, называли euplokamos, что означает «дивнокосая».

16 февраля

На семинар пригласили профессора из Ренна. Он весьма занимательно говорил об итальянском средневековом искусстве. А раз он специалист по средневековому искусству, не подлежало сомнению, что он держит в памяти каждую скульптуру, картину, фреску, созданную между закатом Римской империи и чинквеченто. Как не воспользоваться познаниями этой приглашенной сокровищницы?

– Господин профессор, существуют ли в итальянском средневековом искусстве триптихи или порталы с изображением рая и Марии Магдалины?

Минутное размышление – и профессор сообщает библиографические данные, на поиски которых я потратила бы несколько месяцев:

– Такие изображения очень редкие. В Италии, если не ошибаюсь, можно говорить о двух. Первое находится в Сиенской пинакотеке, а второе во Флоренции, в музее…

20 февраля

Я ищу дальнейшие аналогии между Артемидой и Марией Магдалиной. Если не найду ничего, один – ноль в пользу Бонне.

Я перелистала в читальном зале все альбомы по античному искусству. В одном из них обнаружила вместо репродукций рисунки, или, как раньше говорили – гравюры. Двадцать страниц об Эфесе и культе Артемиды. Богини плодородия, богини-охотницы, представленной статистически разнообразно, всегда с прямой спиной, в окружении зверей. Впечатление вертикальности фигуры подчеркивает прическа, а вернее, украшения, вплетенные в волосы.

В этот момент я еще не уверена, что то, что я вижу, не иллюзия, созданная глазами, измученными охотой за тайной башни. Медленно читаю подпись под рисунком: голову Артемиды Эфесской из Неаполитанского музея венчает башня.

Мария из Магдалы, Мария из Башни, Артемида с башней на голове – должны быть еще аналогии.

Если культ Марии Магдалины вытеснил культ Артемиды, это значит, что христианская святая приняла часть «обязанностей» языческой богини, покровительницы охоты и плодородия.

В «Золотой легенде» король и королева Марселя обращаются в христианство, когда получают от Марии Магдалины обещание, что у них будет сын. В 769 году князь и княгиня Бургундии, которые не могут дождаться потомства, отправляют доверенного монаха на юг Франции с миссией раздобыть частичку мощей этой святой.

25 февраля

Артемиду – богиню охоты, часто изображают с соколом на руке. Сокол был также птицей Иштар. В Египте он символизировал освобожденную душу, возносящуюся в мир иной. В средневековой Европе сокол представлял освобождение от греха, а особенно – от греха прелюбодеяния. Если сокол соотносился с Артемидой и символизировал душу, освобожденную от греха, то должны существовать и изображения Марии Магдалины с соколом. В «Les saints compagnons de Christ»[36] Эмиля Мале есть упоминание о некоем Луке из Лейды (XVI век), изображавшем Марию Магдалину с соколом, отдыхающим у нее на ладони. В Национальной библиотеке хранится манускрипт времен Франциска I, где на нескольких иллюстрациях представлена Мария Магдалина, которая во время охоты держит сокола, а также Мария Магдалина, играющая на флейте и тамбурине. Франциск I – это, правда, уже Ренессанс, но я вычитала, что первые упоминания о Марии Магдалине с соколом идут из средневековых мистерий.

Откуда возникла мысль изображать Марию Магдалину на охоте? Ни в «Золотой легенде», ни в других известных мне текстах не упоминается охота, в которой святая принимала бы участие. Другое дело Артемида – богиня охоты. А не мог ли сокол как атрибут охотников просто сменить владелицу и из рук Артемиды перейти в руки Марии Магдалины? Весьма вероятно – ведь еще в VIII веке галлы поклонялись этой языческой богине.

Другим объяснением изображения Марии Магдалины на охоте может служить традиция придворного искусства. Марфа, Мария Магдалина и Лазарь, согласно Рабану Мавру, принадлежали к аристократическому роду, а как известно, увеселением благороднорожденных была охота.

Кроме того, если в средневековье сокол символизировал освобождение от греха прелюбодеяния, то Мария Магдалина, раскаявшаяся грешница, которая держит на руке сокола, блестяще соответствовала охотничьим сценам.

Однако я не в состоянии объяснить причину, по которой средневековый художник изобразил Марию Магдалину с тамбурином и флейтой. На этих инструментах играла скорее Диана, а не христианская святая, обычным реквизитом которой была чаша с благовониями. Быть может, аккомпанирующая себе для танца Мария Магдалина – это предающаяся фривольным развлечениям грешница, которая еще не встретила Иисуса в доме Симона?

Так или иначе, но сокол и флейта прежде принадлежали Артемиде-Диане.

10 марта

Всю рабочую неделю я сидела в библиотеке за одним столиком с Жаком, заканчивающим свою диссертацию по теологии. Пыталась его убедить, что теология это просто-напросто психоанализ Господа Бога. Жак оборонялся, размахивая руками и путано что-то объясняя неслышным шепотом. Когда он наконец устал – закончил разговор угрозой, что пойдет к иезуитам и нажалуется, что у них в библиотеке угнездилась еретичка.

– Мели, Емеля, – усомнилась я. – Церковь реформировалась, и если бы я пришла сюда, таща за хвост черта, одетая под guerillos,[37] мне максимум угрожала бы нудная проповедь на тему теологии освобождения. Но если бы вдруг я заговорила по-латыни, как епископ Лефевр, тогда бы уж точно нажила себе неприятности.

Жак снова начал что-то доказывать неслышным шепотом, стуча кулаком по открытому тому проповедей святого Бернарда. Я подумала, что в этих проповедях могут обнаружиться интересные комментарии по новозаветной символике. Забрала у Жака книгу, подсунув ему под кулак пыльный, заложенный соломинками том из сочинений святого Фомы.

Святой Бернард читается прекрасно. Прозрачность стиля, объяснение каждой аллегории и то, что так отличает древние проповеди от проповедей нынешних: побуждение христиан к углублению веры, а не уговаривание их, чтобы захотели уверовать.

Замечательное описание святого Бернарда, созданное Григорием Оксеррским. Описание в платоническом стиле, опускающее индивидуальные черты, скорее показывающее некий воображаемый канон телесно-духовной красоты: средний рост, движения, исполненные достоинства, светлая кожа, румяные щеки, длинная темная борода с шестнадцатью или девятнадцатью седыми волосками. Святой Бернард этого канона имеет еще одну характерную черту: кожу, настолько прозрачную и нежную, что сквозь нее видны внутренности.

16 марта

Утром я исключительно долго вынужденно отлеживалась в постели, потому что, вставая, услышала грохот мышеловки у входных дверей. Это означало, что мышь навечно осталась в мышеловке, а я – в постели до возвращения Цезария. Если бы я встала приготовить себе завтрак или попыталась выйти из дома, мне пришлось бы любоваться захлопнувшейся мышеловкой вместе с ее содержимым. Цезарий пришел пополудни и избавил меня от кошмарной мыши. Он смеялся над моим утренним лишением свободы и пытался доказать очевидную вещь:

– У страха глаза велики.

– И потому он лучше видит, – ответила я другой очевидностью.

– Ну что тебе может сделать такая маленькая мышка? Помнишь XVIII ступень средневековой масонской инициации, испытание отваги? Надо было стойко перенести присутствие не дракона и не льва, а кролика.

– Кроликом я бы тоже позволила себя инициировать, мышью – нет, – стояла я на своем.

Мы съели завтрак-обед и пошли в Венсенский лес. Видимо, это был день любви к животным, потому что после истории с мышью я выслушала рассказы о насекомых. На нашу скамейку сели отец с сыночком. Ребенок, увидев пчел, спросил, что это такое жужжит и летает. Отец объяснил карапузу, откуда берется мед, как выглядит улей и как прекрасна пчелиная королева. Чадо, слушая объяснения, склонилось над цветком и схватило пчелу. Пчела, естественно, ужалила его в руку. Малыш завопил, а отец тем временем спокойно завершил экологическую лекцию о жизни пчел фразой:

– Видишь, Филипп, а так пчелки кусаются.

7 апреля

Я закончила писать пятую главу – очень приятная тема: любовь, поцелуи, брак.

Марию Магдалину очень часто выдавали замуж. Якобы она обвенчалась со святым Иоанном, и Христос был среди гостей, приглашенных на их свадьбу в Кане Галилейской. Когда закончился свадебный пир, Иоанн пошел за Учителем, оставив жену, с которой только что обвенчался. Брошенная Мария Магдалина вступила на дурной путь, но Христос, зная, что Он является косвенной причиной ее падения, не позволил ей умереть во грехе. Обращенная, как и ее муж, Мария осознала, насколько вечное блаженство на небесах дороже преходящих радостей брака. Всего лишь легенда.

Катары выдали святую Марию Магдалину замуж за Христа. Это был не брак, но скорее внебрачное сожительство, поскольку катары считали брак дьявольской пародией единения душ и не понимали, почему плотская любовь в браке должна чем-то отличаться от распутства вне брака. Взгляды достаточно радикальные, хотя и последовательные в своем манихействе. Согласно этой концепции, Христос, будучи человеком, не отличался в земной жизни от других людей. Вся тайна спасения, воскресения и жертвы должна разыгрываться в сфере духа. О том, что Христос и Мария Магдалина были «супругами», известно из актов инквизиции, но правдивость показаний, данных под принуждением, бывает сомнительной.

Почему для гностиков было так важно выдать Марию Магдалину замуж? Быть может, потому, что союз души (Мария Магдалина символизировала душу) с духом праздновался во время мистической брачной ночи. В гностицизме валентиниан мистический брачный чертог представлял собой символ полноты человека (Плеромы). Слияние воедино, полнота были символом обновления его природы, или же, помимо всего прочего, возвращением к андрогинности. Для манихеев символом этого возрождения был равносторонний крест, катарский солярный крест Христа воскресшего. Соединение противоположностей (мистический брак) представляло собой условие достижения состояния полноты, возрождения.

Евангелие от Филиппа:

Таинство брака – великое таинство

Без него не было бы мира
Сущность мира – люди
Сущность людей – брак

В Евангелии от Филиппа Мария Магдалина не является ничьей женой, зато она – та, которую «Христос любил больше всех учеников Своих и часто лобзал в уста…».

Комментарий Оригена к Песне Песней: «Возлюбленная не довольствовалась дружеским обществом Возлюбленного. Она жаждет услышать его голос и получить поцелуй с его уст: «Да лобзает он меня лобзанием уст своих!»

Святой Бернард различает в Песне Песней два вида поцелуев: поцелуй, скажем так, обычный, являющийся participatio, и поцелуй уст, предназначенный только для Сына и определяемый как plentitudo (полнота). В «Зогаре», являющемся гностическим комментарием Библии, символика поцелуя из Песни Песней означает восстановление гармонии, соединение того, что разделено: «Слова «Да лобзает он меня лобзанием уст своих!» имеют следующее значение: «Царь Соломон жаждал единения мира горнего с миром дольним. Единение двух духов достигается в поцелуе. Если два человека целуют друг друга в губы, их дух сливается воедино».

Чтобы процитировать этот отрывок, мне пришлось сослаться на Кульмана, утверждавшего, что христианство в своих истоках развивалось не как ответвление ортодоксального иудаизма, но как его гностицизм.

Мужскую природу символизирует огонь, противоположностью мужественности является женственность, символизируемая водой. Душа и дух, соединяясь, уничтожают разделяющую их противоположность. Цитата из Евангелия от Филиппа: «Душа и дух родились из воды и огня».

В еврейском женское начало, נקדח *nikwa* (связанное с водой), и мужское, ובד *zeker* (связанное с огнем), после соединения ובדנקדח имеют численное значение 390. Такое же значение имеет слово «небо» שמים *szamaim,* являющееся на письме объединением огня, אש *esz,* и воды מים *maim.* Седьмое небо Абарот (снова семь), по «Зогару», сотворено из огня и воды.

И так далее в том же духе.

1 июля

Кажется, я нашла аргумент, благодаря которому моя работа «Le personnage de Saint Marie-Magdale ine dans la gnose judéo-chrétienne»[38] будет иметь право на существование на факультете средневековой антропологии. Не думаю, что эту изящную гипотезу можно доказать, но и опровергнуть ее тоже не удастся. Итак, все останется в сфере предположений, интуиции и прямо-таки невероятных совпадений. Эта сенсационная гипотеза будет помещена в последней главе, венчающей труд и придающей логичность предыдущим выводам.

Я притащила домой все тома «Зогара» и сунула в шкаф на место рюкзака, необходимого в путешествии, куда мы решили отправиться. Июльская жара в Париже невыносима.

Цезарий выбрал трассу на юг, через Тулузу, до Барселоны. По дороге мы должны повторить путь катаров. Очарование катарами прошло у меня несколько лет назад, но Цезарий хотел бы облечь то, что читал в книгах, в реальность пейзажа – как он поэтически обосновал необходимость посещения Монсегюр.

– Ну ладно, знаю, что мы едем осматривать руины культуры, разрушенной цивилизацией, наследниками которой мы являемся, и это неправильно, – начал он объяснять, склонившись над картой. – Но неизвестно, чем бы кончили эти еретики, не займись ими инквизиция. Возможно – как в Италии, где их никто не преследовал, – умерли бы собственной смертью, не ускоренной кинетической энергией, излучаемой раскаленной древесиной. Кроме того, даже если бы им удалось продержаться и выиграть у католицизма, не думаю, чтобы их цивилизация была интереснее нашей. Совершенные совершенными, но не все были так уж совершенны. Общество, живущее во грехе (а грехом было все, что касалось материальной сферы), управляемое просвещенной элитой, – неинтересная модель культуры. Не верю в способность развития цивилизации, которая не отводит главную роль семье. О семье это я повторяю за Гаеком, но, пожалуй, имею право как европеец ссылаться на фразу другого разумного европейца и вдобавок австрияка.

После этой речи мой домашний наследник европейской культуры пошел покупать консервы в дорогу для собственной семьи, то есть для себя и для меня.

2 июля

В Тулузе началось наше медленное умирание. Зной стоял… (описать невозможно). Мы кружили между душем, кондиционированными кинозалами и помещениями отеля. К десяти вечера температура не опускалась ниже тридцати градусов. В кофейнях жужжали вентиляторы, подавали холодные напитки, толченый лед, но ничто не могло смягчить впечатления, будто тебя поглощает вязкая жара. Я сочувствовала героям фильмов в Касабланке или в Новом Орлеане, только сейчас поняв, что запотевший стакан в их руках – не живописный реквизит, но последнее спасение от испарения сознания. Дома в Тулузе – цвета обожженного кирпича – словно пережили бесчисленные нашествия зноя, напоминающего скорее пожар, нежели летнюю жару.

3 июля

Самый большой романский собор в Европе был самым удивительным архитектурным чудом. Не потому, что своей легкостью разительно отличался от сермяжных романских кафедральных соборов, но потому, что казался незаметным переходом между изысканной античностью и романским искусством. Глядя на резьбу капители, можно подумать, что находишься в античном святилище, в котором по воле судьбы или случая языческие боги превратились в христианских святых.

В первый раз ночью подул в Тулузе теплый ветер, и мы отважились на более длительную прогулку. Медленно кружа по лабиринтам тихих улочек, мы внезапно оказались в кофейне. Сотни столиков, освещенных лампами и свечами, установлены на площади размером с краковский Старый рынок. Толпы людей, музыка, кельнеры, объясняющие, что этот столик относится к их кофейне, а вон тот, рядом, – уже другая кофейня, и в конце концов в три часа утра немного освежающего холода. Поглощая поздний обед, мы решили изменить маршрут и вместо Барселоны ехать прямо к морю.

6 июля

Монсегюр – деревня необычная. Из сотни домов – большая часть отели, магазины, торгующие талисманами и символическими украшениями, книжные лавки по эзотерике. В одну такую лавку, называвшуюся «Переулок времён», мы зашли. Где-то с час рылись по полкам, зная, что после столь тщательного изучения множества книг придется что-то купить, не столько для себя, сколько для приличия. Мы выбрали недорогого, красиво изданного «Гермеса Трисмегиста». Хозяин магазина, которому явно хотелось поговорить, задал бессмертный вопрос:

– Простите, а какой вы национальности?

– Les Polonais,[39] – произнесли мы волшебное слово, всегда вызывающее подъем духа у французских эзотериков и французских клириков. Духовенство – это понятно, Папа – поляк, но кто обеспечил нам такую репутацию в теософических и спиритуалистических обществах и всяких прочих братствах нелицензированного ускоренного духовного развития? Может, Товяньский[40] (Нервал считал его гением), а может, обладатель лицензии на Абсолют – Хёне-Вроньский.[41]

И на этот раз польские чары подействовали, хозяин книжной лавки обрадовался:

– Поляки – это хорошо, очень хорошо. Выпейте кофе со льдом, единственное лекарство от сегодняшней жары.

Мы поднялись на второй этаж, где жена хозяина в длинном голубом платье приготовила нам кофе. Мы говорили на разные темы – естественно, эзотерические. Я рассказала, что ищу что-нибудь о святой Марии Магдалине, но меня не интересует книга о Пистис Софии, которую я видела внизу, в лавке.

– Не о Пистис Софии… – Хозяин магазина задумался. – А вы видели акты инквизиции в деле о катарах? Сейчас принесу.

Через пару минут он вернулся с томом по-латыни и по-французски. Открыл французское издание, нашел страницу с показаниями, где как раз говорилось о Марии Магдалине.

– Это должно вас заинтересовать.

Меня скорее заинтересовала эрудиция книжника.

– Никакой я не эрудит. Если целый день сидишь в книжном магазине, что еще делать, как не читать? К нам тут разные люди заходят, от каждого услышишь что-нибудь любопытное. Двадцать первого июня понаехали толпы туристов смотреть восход солнца в руинах замка. Французские и английские друиды утверждают, что замок был солярной святыней, и, пожалуй, они правы, потому что в день летнего солнцестояния на стенах часовни видны

светлые окружности. От катаров остались одни руины, иначе и быть не могло, слишком хороши они были для этого мира. Через много лет после взятия Монсегюра, неподалеку отсюда, в Фуа, в руки инквизиции попал один из последних совершенных. И тут же все окрестные катары поспешили добровольно заявить о себе в инквизицию, поскольку было известно, что совершенный не имеет права лгать и раскроет всех законспирированных собратьев.

После книжной лавки мы пошли осматривать руины замка. На месте, называемом Полем костров, в Средние века был установлен камень, увековечивший гибель защитников Монсегюра. Около этого камня стоял улыбающийся молодой человек и продавал туристам декоративные спичечные коробки с надписью «Сувенир из Монсегюра».

8 июля

С Пиренеев мы спустились к Средиземному морю, в Каталонию. В деревне, где мы остановились, по вечерам вся жизнь переносилась на улицу. Стирка, игра в карты, ужин, сплетни – все это происходило перед домами. Как-то вечером мы увидели на опустевшей улице старушку, которая сидела на стуле перед закрытым окном, спиной к улице, и разговаривала сама с собой. Мы подошли поближе, исполненные сочувствия к больной женщине. И увидели, что бабушка – просто-напросто болельщица и смотрит матч через москитную сетку, которую мы издали приняли за закрытое окно.

Старые каталонцы рассказывали нам какие-то поразительные истории, переходя, очевидно, с каталонского на французский, но у них был столь необычный акцент, что понять их занимательные рассказы было невозможно. Когда мы в отместку хотели что-нибудь рассказать в ответ, нам кивали, улыбались, но мы видели, что говорим на непонятном для них языке. Кроме акцента, Каталония отличается от остальной Франции номерами машин, мужскими прическами а-ля Яносик[42] и убеждением, что иностранное господство над этим регионом является временным и вскоре Каталония, пережившая за последние восемьсот лет едва ли полвека относительной суверенности, снова будет Независимой Каталонией.

9 июля

Возвращение в Париж и твердое решение, что это – последний отпуск летом. Единственный разумный сезон для отдыха – зима.

Михал, которому мы оставили на попечение квартиру, удивился нашему скорому возвращению. Он сидел весь в синяках и ссадинах, с головой, обмотанной бинтом, но довольный.

– Жизнь прекрасна, – принялся он убеждать нас, не имея сил подняться с дивана для приветствия. – Я чувствую себя так, словно заново родился.

– Ты и впрямь выглядишь как после акушерских щипцов, – прокомментировал это заявление Цезарий, показывая пальцем на белый тюрбан на голове Михала.

– А, это… Это ерунда. Главное – что со вчерашнего дня я больше не поляк. Перерезал пуповину. Прощай, прежнее отечество, раны на голове – это пустяки.

– Ты что, был в Сите и уже получил французский паспорт? – удивилась я, зная нелюбовь Михала ко всяческой бюрократии.

– Я – и француз? – возмутился он. – Да у меня «Марсельеза» в горле застревает!

– Женился на Ан или еще какой-нибудь голландке, – попробовала угадать я.

– А что, я уже так подурнел и запаршивел, что жениться пора? – усомнился Михал. – Ни то, ни другое. Просто перестал ощущать себя поляком – и точка. Будь у меня до сих пор польский паспорт, спустил бы его в Сену. Я всегда подозревал, что между мной и Польшей что-то не так, но вчера мера переполнилась. Я гулял с поляками, которые приехали в Париж заработать на ремонте, строительстве и на всем, что подвернется. Пили долго и нудно, пели бодрые песни. В полночь три мужика, вытянувшись во фрунт, заорали, как перед завершением передач на польском телевидении: «Еще Польша не поги-и-ибла». Я – ничего, зубы стиснул и жду, когда закончат. Все, кроме меня, стоят и голосят дальше.

Наконец допели и спрашивают, почему я с ними гимн не пел. Я, вместо того чтобы промолчать, начал доказывать, что наш гимн – неудачный. За двести лет с Польшей ничего хорошего не произошло, потому что не могло произойти, раз пример, как надо побеждать, нам дал Бонапарт. При Ватерлоо, у Березины или на Эльбе, спрашиваю я, ну где этот пример? И что это за гимн такой, который начинается с отчаянного: «Еще Польша не погибла»? Гибнет, гибнет и ни погибнуть, ни выжить не может. Надо гимн

сменить, не то плохо кончим.

Мужики головами покивали, насупились и говорят, что я не поляк, потому что гимн оскорбил. Я им объяснил, что «Богородица Дева, Богом славна Мария» была прекрасная песня, полная силы и достоинства, она связывала нас со всей рыцарской Европой и христианским Западом. Традиция, господа! Наконец, наилучший довод, что я прав: они с пеленок поют «Еще Польша…» и что хорошего они видели? Из Польши, которая еще не погибла, приехали сюда, чтобы заработать себе на хлеб черной работой, господа журналисты, народные депутаты, инженеры. Вот этого я мог бы и не говорить. Они на меня набросились: мол, Польша в беде, мол, коммунистов победила, и Папа, мол, поляк, а я не поляк. Вышвырнули меня за дверь. Дальнейшее помню плохо, потому как выскочил на лестницу с почти полной бутылкой водки. Утром обнаружил, что я здесь. С Польшей покончено. В любом готическом храме я чувствую себя, как дома. Мое отечество – готика и барокко.

– А мое – барак, – констатировал Цезарий, обводя взглядом грязные стены.

– А кто тебя так красиво забинтовал и обделил пластырем, ренегат ты мой? – спросила я.

– Только не ренегат! Вы для тех вчерашних мужиков тоже не были бы поляками. В Польше б недели не выдержали. Вы только почитайте тамошние газеты – сплошное лицемерие и благородный вздор под псевдокапиталистическим соусом. Там все убеждены, что должны жить в нищете, потому что таковы законы экономики. Если бы этот народ не был настолько оглуплен и не жил в постоянном страхе – а что на это скажет Запад, которому на Польшу глубоко плевать, – если бы этот народ не боялся вечно, что матушка Россия даст ему по рукам… Они перестали думать. За них – но не для них – думает газета, псевдополитик, тип-всезнайка и… – Михал перебил себя: – Да о чем тут говорить… А раны мне перевязала ваша подруга Сабина.

– Что-то не припомню ни одной Сабины, может, это твоя подруга? – Я подозрительно глянула на Цезария.

– Сабина? Не знаю, – заверил мой благородный муж.

– Приехала сюда пара, Сабина и Корд. Изъяснялись на том же языке, что и капитан Клосс: «Ich ne parle pas deutsch»,[43] и даже по-английски не говорили. Французского они не знают тоже, но люди замечательные. Только у них пунктик на тему здоровой пищи. Всю неделю ели всякую «здоровую» дрянь и заваривали травяные настойки на родниковой воде. Привезли с собой пятьдесят кило «здоровой» морковки и кукурузы. Когда я ел мясо, смотрели на меня, как на варвара. Достали они меня этой

диетстоловой! Я их здоровой пищи так нахлебался, что на следующий день они у меня за милую душу рубали фасоль по-бретонски с бараниной, причем купленной не в «здоровом» магазине, а у араба напротив. Жальче всего мне было их немецкую овчарку, которой, понятное дело, тоже пришлось сесть на вегетарианскую диету, чтобы не выглядеть менее аристократичной, чем хозяева. Я ее втихаря колбасой подкармливал, так псина не отходила от меня ни на шаг. Когда они уезжали, за два часа до вашего возвращения, собачка выла с тоски. Они спрашивали, как там ваша овчарка, потому что их – это вроде как мамаша вашей.

– У нас никогда не было ни собаки, ни знакомых Сабины и Корда. – Я все меньше и меньше понимала, о чем говорит Михал.

Цезарий бросил распаковывать рюкзак, поразмыслил с минуту и прояснил тайну пребывания тевтонцев в нашей студии:

– У нас собаки нет, но у предыдущих жильцов была молодая эльзасская овчарка. Скорее всего Сабина и Корд ничего об их переезде не знали и заглянули их навестить.

Михал остался у нас на послеобеденный чай, плавно перешедший в вечерний кофе. Поглумился над томиком стихов, присланным из Польши:

– О, очередной христианский поэт! Знаю такого, метафизическая пустота. В стихах, оно конечно, красиво смотрятся молитва, крест, аллюзии на мистический опыт, но чтобы так вот сразу – и христианский поэт? Удобно быть христианским поэтом, будучи вообще неверующим, особенно в Польше, где слезливая сентиментальность прочно въелась в религиозные переживания. Но не мне судить с бревном в глазу, – одернул себя Михал в третьем часу ночи.

10 июля

Когда пишешь о Марии Магдалине, постоянно задаешься вопросом: почему? Почему она была излюбленным образом гностиков? Почему была символом души? Почему, почему – к каждому факту, к каждой интерпретации.

Почему культ Марии Магдалины так бурно развивался на юге Франции в XI–XIII веках? Почему именно в это время, в этом месте? Ответ может быть простой: крестовые походы, паломничества ко Гробу Господню. Среди тех, кто оборонял Святую Землю, французских рыцарей было большинство. Мария Магдалина была их покровительницей, поскольку она первой пришла ко Гробу Господню – этим более или менее объясняется внезапная популярность Магдалины. Именно по ее поводу разгорелся спор между цистерцианцами из Везеле, хранившими в своем аббатстве реликвии святой, и провансальскими монахами, утверждавшими, что это у них, в крипте аббатства Сен-Максим, Мария Магдалина обрела вечный покой. Королю и епископам были представлены документы, и после эксгумации предполагаемых останков святой они признали правоту провансальских монахов.

Попробуем забыть об убедительных аргументах, объясняющих развитие культа Марии Магдалины в эпоху крестовых походов для защиты Святой Земли. Что еще происходило тогда на юге Франции?

Появились катары – отнюдь не ортодоксальные католики. На юге Франции под влиянием, среди прочего, и немецкого хасидизма развивается каббалистика – отнюдь не ортодоксальный иудаизм. Гершом Шолем пишет, что «…идеи о переселении душ возникли в Каббале в тот самый период и в той самой местности (юг Франции), где движение катаров достигло наивысшего успеха».

Убежденности во взаимовлиянии гностических движений недостаточно, чтобы доказать, что развитие культа Марии Магдалины имело с ними какую-то связь. Надо эту убежденность сделать еще убедительнее. Полагаю, что можно воспользоваться для этой цели двумя тропами – в принципе троп один, но мы разделим его для удобства на: 1. Каббалистический троп и 2. Хасидский троп.

Каббалистический троп.

В ортодоксальном христианстве, как и в иудаизме, Бог лишен каких-либо элементов женской природы. Зато в христианском гностицизме – например, в «Проповедях Петра» (II–III век), – у

Бога есть левая и правая стороны, женская и мужская. В иудаистском гностицизме концепция дуализма божественной природы возникает лишь в XII веке, конкретно – в книге «Бахир», впервые увидевшей свет в Провансе. Эта линия будет продолжена в «Зогаре», появившемся в Кастилии в 1275 году. Шолем пишет о таинстве пола, что «в каббалистике оно имеет символическое значение: любовь между «Я» и «Ты» Бога. Между Святым, благословенно Имя Его, и Шекина. Это священная связь Царя и Царицы. Возлюбленного и Божественной Возлюбленной». Концепция божественной иерогамии была главной причиной, по которой ортодоксальный иудаизм отвергал каббалистику. Согласно Шолему, каббалисты наделяют Шекину женским родом, исходя из того, что последний сефирот (Малкут Царица) как бы принимает в себя другие сефирот, которые в нем обретают покой. Древо сефирот можно вписать в схему человеческого тела, и тогда Малкут соответствует стопам. Связь образа Марии Магдалины с символикой стоп я выявила в предыдущей главе.

Символическое тело Шекины, посредством которого она действует и страдает вместе с Израилем, соответствует тому, что в христианстве называется «Экклезия» (Corpus Christi[44]). В кафедральном соборе Шартра можно увидеть оригинальное изображение Экклезии в образе святой Марии Магдалины.

В книге Шолема, комментирующей «Зогар», я нашла весьма любопытную фразу: «Шекина, будучи «женским началом», является прежде всего партнером божественной hieros gamos (ziwwuga kadisha), в которой через единство женской и мужской природы реализуются все божественные силы». Шекина, или вечная женственность, необходимая в развитии мира, отсылает нас к архетипу Матери Богини и Елены, символизирующей вечную женственность.

Если в определении Шекины появилось слово kadisha (ziwwuga kadisha), ей, кроме позитивного, должен быть присущ и негативный аспект. И действительно, в «Зогаре» Шекина находится в сфере демонических влияний. Ее власть распространяется на древо добра и зла, которое одновременно является и древом смерти. Не вызывает ли такое представление Шекины ассоциации с Евой, срывающей плод с древа познания добра и зла (в результате – с древа смерти), и Марией Магдалиной, стоящей у подножия креста (символа смерти), который вновь соделался древом жизни? Таким образом, Шекина имеет два аспекта, первый – позитивный: о ней говорится как о премудрости Соломоновой, и второй – негативный: демоническая блудница с черными как смоль волосами, бестия, чьей «власти не убежит никто».

Могла ли существовать какая-то связь между возникновением в иудейском гностицизме концепции «женской стороны» Бога и развитием культа Марии Магдалины там и тогда, где и когда возникла каббалистика? Мария Магдалина, олицетворяющая вечную женственность, душу, соединяющуюся в мистические ночи с духом, чтобы достичь полноты Единства, и раскаявшуюся грешницу. Быть может, это случайность, равно как и второй троп.

11 июля

Наше жилище, помимо множества мышиных нор, хранило и другие тайны. Мы знали про гриб, который зимой завелся в ванной с обвалившимся потолком. Весной гриб порозовел, побагровел и на диво разросся. Летом, на жарком солнце, он как будто бы погиб и съежился, но исчезновение флоры в нашей ванной было мнимым. После того как от стены отвалилась раковина (отвалилась сама, в одну прекрасную ночь), мы увидели, что она скрывала пышный зеленый мох – еще более красивый, чем тот, что растет в лесу, на приволье. Тогда же усилилась мышиная кутерьма. Мы купили мышеловки, яды, прибор, издающий убийственные для грызунов ультразвуки, нафталин – я, как и мыши, не выношу его запаха. Увы, для грызунов нафталин оказался абсолютно безвреден. Машинка регулярно издавала «бип-бип», мыши гарцевали в такт этой мышиной дискотеке, мох ласково шелестел, гриб разбухал.

Я заметила, что у соседа напротив мыши прогрызли в двери огромную дыру. Постучалась к нему, чтобы узнать, как он с ними борется. Отворил улыбающийся китаец.

– Какая мыши? Какая мыши? У меня ни одна мышь нет, – вежливо сообщил он.

Вечером я рассказала о разговоре с китайцем Цезарию. Цезарий не стал выяснять, разводит ли сосед мышей в кулинарных целях или же вдобавок страдает дефектами зрения и слуха. Он решил переселяться. Пока что – к знакомым, уезжающим в отпуск, а там – видно будет.

11 июля

Хасидский троп: немецкий средневековый хасидизм развился достаточно быстро, между 1150-м и 1250 годами. С начала XIII века аналогичные мистические течения появляются во Франции и Испании. Среди прочих подобных еврейских традиций хасидский (каббалистический) метод выделяло очень суровое покаяние. Покаяние, понимаемое как очищение тела, ибо тело есть символ духа. Согласно этому методу, чтобы достичь слияния с Богом, следует удалиться в уединение, лучше всего в заброшенный дом, куда не доносятся никакие внешние шумы. После этого рекомендовалось петь псалмы и читать Тору, вплоть до достижения экстаза – или вознесения души к Богу.

Это средневековое покаяние хасидов определяется еврейским словом teshuva. Существует ли какое-то подобие между мистическим путем каббалистов и символикой образа Марии Магдалины? Согласно легенде, Магдалина жила тридцать лет в месте уединенном, почти пустынном. Несколько раз в день она впадала в мистический экстаз, слушая ангельское пение. Образ Марии Магдалины лучше всего олицетворяет идеальное покаяние – постоянное умерщвление плоти и *проливание слез раскаяния.*

В «Зогаре» для грешника закрыты все пути к Богу, кроме одного – пути слез.

Бонне нашел очень красивую аналогию: «Что есть «обращение» (conversio)? Это слово происходит от латинского versor – повернуть. В еврейском языке «обращение» обозначается словом teshuvah, от shuv (повернуть). Иисус много раз «оборачивается» и при встречах с учениками, и на Иордане, где крестит Иоанн Креститель. Именно этот жест повторила Мария Магдалина, когда ей явился Иисус Воскресший».

Изможденная покаянием Мария Магдалина, засмотревшаяся в невидимое, как ее представляет скульптура Донателло. Мария Магдалина, христианский образ раскаяния. Или совпадение места и времени развития культа Марии Магдалины и teshuvah хасидов, каббалистов – опять случайность? Да, случайность, но случайность – всё.

12 июля

Я все переписала и поправила. Теперь осталось только погладить скромное платье с белым воротничком, найти очки, которые не надевала уже с полгода, и отправиться на встречу с научным руководителем.

– Господин профессор, я должна принести свои извинения за то, что в течение учебного года не ходила на консультации, но я каждые несколько дней обнаруживала новые факты и не была уверена, что закончу работу.

Профессор прочитал название работы, улыбнулся.

– Ну что вы, не стоит извиняться, я к такому поведению студентов уже привык. Из десяти человек с семинара ко мне на консультации приходила только одна девушка, да и то исключительно потому, что писала диплом по символизму Рабана Мавра. Все остальные, так же, как и вы, приносят мне в июне готовые работы – впрочем, довольно интересные. Ну не такой уж я страшный, чтобы бегать от меня весь год. Профессор – это человек, то есть существо общественное, и он с удовольствием попил бы со студентами кофе, поговорил бы, посоветовал бы что-нибудь. Мне интересно, как каждый из тех, кто у меня на семинаре, пишет свой диплом. Вы тоже, наверное, хотели бы как можно скорее узнать мою оценку?

– Если бы у вас было время просмотреть эти несколько глав…

– Эх, молодость, нетерпеливая молодость… Продиктуйте, пожалуйста, ваш номер телефона.

Когда я вышла из аудитории, началась пытка ожиданием. Я вспоминала все мелочи, которые должна была вынести в примечания. Некоторые фразы были категорически неточными, и вообще я все написала бы по-другому. К счастью, мне пришлось заняться переездом, и размышления о том, должна ли пятая глава предшествовать шестой, заслонила проблема уборки освобождаемой квартиры, чему я и посвятила все свое время и силы.

Входя в арку моего уже почти бывшего дома, я увидела знакомого клошара. Он не появлялся на своем посту уже несколько недель. Это был клошар с чувством собственного достоинства, он просил не милостыню, а строго по тарифу: три франка на батон хлеба. Когда прохожие не бросали ему в шапку ни гроша, отговариваясь отсутствием денег, клошар жертвовал им взаймы:

– Я вам дам десятку, бабки будут – вернете, я здесь все время сижу.

Клошар сидел на углу нашего дома и церкви, попивая вино из пластикового баллона, закусывая хлебом, апельсинами или бананами. В воскресенье, когда прихожане щедро осыпали его франками, покупал себе вино в стеклянной бутылке. Если он не был вконец пьян и не засыпал, прислонясь к стене, можно было подумать, что этот седовласый бородатый старец греется в свое удовольствие в лучах парижского солнца. Каждые несколько дней он давал мне пять франков, чтобы я купила ему «Голуаз» без фильтра в табачной лавке напротив, потому что он мог бы пойти и купить сам, но не хочет оставлять рабочее место.

После нескольких недель отсутствия он показался мне постаревшим и очень исхудавшим.

– Здравствуйте, что-то долго вас не было. В отпуск ездили?

– В отпуск к Господу Богу билет получил, лежачее место. Но пока еще годик-другой подожду. Посмотрите. – Он показал забинтованные ноги. – Стопы мне обожгло.

Только тут я заметила прислоненные к стене костыли.

– Я в метро ночевал, темно было, наступил на электричество. Врачи потом удивлялись, что сердце не отказало. Три недели в больнице пролежал. Я у церкви целыми днями сижу, вот мне и чудо за набожность, что жив.

Мы поговорили о несчастных случаях, болезнях, чудесных исцелениях. Клошар впервые рассказал мне о своей жизни, оторвавшись от обыденного здесь и сейчас. В молодости он жил в Италии: пляж, ночами музыка, вино, много вина, и итальянцы такие веселые, а женщины прекрасные, самые прекрасные. Потом он отправился в Европу и почти десять лет жил близ Толедо. В Испании его поразило то, чего нет даже в Париже.

– Вы только представьте себе, вагоны там ездят, как в метро, но не под землей, а на улицах. Ездят по рельсам, и колеса у них металлические. Над вагонами – электрические провода, а называется этот поезд, – клошар сделал многозначительную паузу, – трамвай.

13 июля

Мы живем совсем рядом с Мулен-Руж, метро «Бланш», улица Бланш. Старый парижский дом, двор-колодец. Первая ночь прошла довольно забавно. Сначала наметилось что-то вроде грозы: несколько молний, чуть-чуть дождя. Сделалось еще более парно и душно. Все окна открыты, шум, песни из других окон. Мы попытались заснуть, но из какого-то окна донеслись отчаянные женские вопли. Вскоре стоны перешли в громкие вздохи: «ох, ох, ах, оох, да-да». Скорее всего какая-то парочка занималась любовью, испытывая великое наслаждение. Менее забавными были жильцы, высовывающиеся из окон и орущие, сами не зная кому:

– Довольно! Заткнитесь!

Другие соседи – видимо, в восторге, – аплодировали и кричали:

– Браво! Бис! Vive l'amour![45]

В окне над нами хохотала девушка, требуя:

– Я тоже так хочу!

Ауканье, смешки, хлопанье окон и жалобы продолжались еще некоторое время, начало светать – и мы проснулись в день годовщины Французской революции.

14 июля

Несмотря на обилие туристов, Париж, как и каждый год в этот день, пустынен. Закрытые окна, опущенные шторы, неработающие магазины. От площади Денфер-Рошеро в сторону станции «Сен-Жак» понуро движется молчаливая манифестация анархистов. Старики с романтически развевающейся шевелюрой, лохматые юноши, прекрасные девушки.

Тишину периодически нарушает звон стекла. Анархисты систематично, без злобы и агрессии, словно исполняя скучную рутинную работу, вышибают ломом все витрины, какие попадаются на их пути. Полиция исчезла, чтобы не мешать парижанам праздновать революцию. Дойдя до Сен-Жак, анархисты постановляют взять штурмом тюрьму. Воистину героическое деяние, отвагой и размахом превосходящее взятие Бастилии. И впрямь, ну чего уж такого добился парижский народ 14 июля 1789 года? Освободил шестерых заключенных, да и то не политических – четыре самых обыкновенных преступника, один священник и один маркиз.

Анархисты не взяли тюрьму у Сен-Жак – очевидно, стражи порядка Пятой Республики оказались сильнее, чем при монархии.

22 июля

Я уже, наверное, в сотый раз вожу польских знакомых по Парижу. Лувр, Монмартр, площадь Пигаль. Уважаемые экскурсанты, мы в Париже, городе на семи холмах. Если внимательно посмотреть на карту Парижа, видно, что столица Франции была построена в плане креста. Его горизонтальная ось, восток – запад, примерно совпадает с современной линией метро, связывающей Венсенский замок с площадью Звезды. Сена, протекающая через Париж с востока на запад, отклоняется от этой оси на угол в двадцать шесть градусов. Интересное число – двадцать шесть, геометрическое значение непроизносимого Имени Бога. Это отклонение течения Сены было использовано средневековыми масонами для обогащения символики Нотр-Дам, но об этом я расскажу, когда мы будем осматривать Кафедральный собор. Вертикальная ось, север – юг, соответствует линии метро «В».

Сена – река, следовательно, в ней течет вода. С чем ассоциировалась вода у человека средневековья? Вода жизни, вода, которую Иисус превратил в вино на свадьбе в Кане Галилейской. Если воды Сены создают горизонтальную ось города, значит, горизонтальная ось могла бы напоминать о чудесном претворении воды в вино. Реку вина сотворить трудно, но в городе русло реки можно сравнить с улицей, питаемой ручьями улочек и дорожек. Поэтому улица, под прямым углом впадающая в Сену, посвящена богу вина, или Дионису. В раннехристианском мире Дионис в крещении стал Дионисием, или Денисом, чья улица – Сен-Дени – не пользуется в современном Париже доброй славой, поскольку, несмотря на минувшие века, сохранила что-то от атмосферы вакханалий.

Если улица Сен-Дени ассоциируется с вином, то, чтобы сохранить план креста, должна возникнуть перпендикулярная к ней улица, напоминающая, что во время Тайной Вечери Христос не только пил с апостолами вино, но и преломил с ними хлеб. И так возникла улица – возможно, не дословно хлеба, но покровителя хлебопеков – улица Сент-Оноре.

Горизонтальная перекладина креста, в плане которого основан Париж, обозначена точками, где солнце восходит 2 февраля и 11 ноября, а заходит 8 мая и 6 августа. На эти дни выпадают праздники Сретения Господня; святого Мартина Турского, апостола Галлии; святого архангела Михаила; Преображения Господня.

Семь холмов, угол в двадцать шесть градусов между Сеной и

осью восток – запад, 11 ноября 1918 года, 8 мая 1945 года, 6 сентября – день взятия Орлеана Жанной д'Арк, все эти факты свидетельствуют о том, что Парижу было предназначено стать столицей Франции.

Проводя экскурсию по самому новому району Парижа – Ла-Дефенс, рассказываю о том, как был наказан за гордыню народ, который, не считаясь с сакральной географией Парижа, захотел построить башню «высотою до небес» за пределами города, еще дальше к западу, чем простирается Страна Мертвых, Елисейские Поля. Ла-Дефенс оказался предприятием неудачным – уже через год после начала строительства стало ясно, что он никогда не станет вторым Манхэттеном, по образу которого спроектирован, причем по очень простой причине – забыли, что Ла-Дефенс лежит на болотах.

Согласно традиции сакральной географии, статуи королей и святых должны быть обращены лицом в сторону восходящего солнца. На восток взирают со своих колонн святой Людовик и Филипп-Август на площади Насьон. Зато Гений Свободы (который на самом деле – Гермес с крыльями), возвышающийся над площадью Бастилии, смотрит на запад. Запад в сакральной географии – направление упадка, декаданса, от occitere – падать. Гермес тоже появляется в начале истории Парижа. На холме Гермеса, современном Монмартре, обезглавили святого Дениса. Согласно легенде, святой был убит мечом точно под статуей Гермеса.

Завершая осмотр Парижа на площади Согласия, вспоминаю о французской монархии, просуществовавшей 1312 лет (считая с периодом Реставрации). В 1312 году Филипп Красивый уничтожил орден тамплиеров, орден, последний магистр которого, умирая на костре, проклял французских королей.

Возвращаюсь домой в набитом метро. Поднимаясь по лестнице, слышу отголоски веселья в полном разгаре. Дверь мне открыл Жак, гостеприимно приглашая войти. У стола, заставленного одними только бутылками шампанского, сидел Михал с новой невестой-японкой. С тех пор как он перестал чувствовать себя поляком, а затем и европейцем, Михал начал ценить красоту Востока. Цезарий налил мне бокал шампанского и произнес стандартный тост:

– Твое здоровье!

Я попыталась выяснить, по какому поводу веселье.

– Великий праздник! – заверил меня Жак.

– Но какой? – Я хотела знать точно.

– Вот выпьешь еще, тогда скажем, – пообещал Цезарий.

Я залпом осушила очередной бокал шампанского, отдающего

запахом дрожжей.

– Больше не могу, шампанское – дрянь.

Михал возмутился:

– Кощунство! Славянам шампанское никогда не нравилось, даже больше того, им его пить вредно. Вот Идиот Достоевского, например, князь, но князь – славянский, так у него после французского шампанского начинался приступ эпилепсии, а я вот пью шампанское бутылками – и ничего мне не делается, – похвастался Михал.

Цезарий, видя, что больше я не выпью, решил открыть тайную причину веселья. Встал, постучал рюмкой о стол.

– Господа, тихо, suncium,[46] Жак. Пусть бедная женщина узнает всю правду. Звонил твой профессор.

– Нет? – выдавила я.

– Что – «нет»? Звонил и сказал, и сказал… что принимает твою работу, узнал из нее много интересного и будет защищать тебя перед комиссией. И добавил пожелание хороших каникул.

Цезарий подхватил меня на руки.

– Ура! В ванну, приводить в чувство!

Жак открыл душ, требуя:

– Douche! Douche![47]

За окном снова послышались стоны:

– Ох, ах, да-да, – и вопли болельщиков: – Bravo! Vive l'amour!

22 VII, день святой Марии Магдалины

notes

Примечания

1

Мадемуазель, что такое? *(фр.)*

2

Вы ошиблись, мсье *(англ.)*.

3

Почему? *(фр.)*

4

Я не мадемуазель, а мадам *(англ.)*.

5

CRS (Compagnies Républicaines de Sécurité) – Республиканские отряды безопасности *(фр.)*. Отряды специального назначения для борьбы с беспорядками на улицах. – *Примеч. пер.*

Конфедерация Независимой Польши. – *Примеч. пер.*

7

Слова из популярной застольной песни «Polak, węgier – dwa bratanki / i do szabli, i do szklanki» – «Поляк с венгром – два братана / По оружью и стакану». – *Примеч. пер.*

8

Свободу Дракуле! *(англ.)*

9

Граф Парижский – титул главы Французского дома. Этот древний титул восстановлен королем Луи-Филиппом для своего внука Луи-Филиппа (1838–1894), деда современного претендента на французский трон. – *Примеч. пер.*

10

«Жизнь полностью единодушная, но духовно трудная» *(чешск.)*

торговец *(фр.)*.

12

Вульгата – перевод Библии на латинский язык, выполненный св. Иеронимом в 384–405 гг. Ветхий Завет прорабатывался на основе еврейского текста, а Новый Завет – по греческим манускриптам. – *Примеч. пер.*

13

«Минитель» – во Франции аналог Интернета, появился в 1980-е годы. Небольшой терминал, подключенный к телефонной сети, установлен почти в каждой квартире. – *Примеч. пер.*

здравствуйте *(фр,)*.

15

Здесь: невоспитанный, нелюбезный *(фр.)*.

16

Alliance Française – Французский Альянс, ассоциация, основанная ч 1883 г. для того, чтобы осуществлять влияние Франции на зарубежные страны с помощью языка и культуры. – *Примеч. пер.*

сексапилыюсть *(англ.)*.

вид *(англ.)*.

19

Игра слов: по-французски *ami* означает «друг», а *petit ami* – любовник. – *Примеч. автора.*

20

Хабермас (Habermas) Юрген (р. 1929) – нем. философ и социолог, последователь франкфуртской школы. Взгляды Хабермаса оказали влияние на студенческое движение во многих странах Запада в 1960 – 1970-х гг. – *Примеч. пер.*

21

Эриугена Иоанн Скот (род. ок. 810, Ирландия – ум. после 877) – средневековой философ, теолог. Стремился сблизить христианское и неоплатоническое учения, оказал сильное влияние на развитие мистики. – *Примеч. пер.*

22

Высшая школа социальных наук *(фр.)*.

23

досье *(фр.)*.

24

«Не прикасайся ко Мне» *{лат.)* – из Евангелия от Иоанна 20:7. – *Примеч. пер.*

25

Ягеллонский университет – Краковский университет, старейшее высшее учебное заведение Восточной и Центральной Европы после Пражского университета, основан королем Казимиром Великим (Пястом) в 1364 г. – *Примеч. пер.*

26

«Если продастся тебе брат твой, Еврей, или Евреянка, то шесть лет должен он быть рабом тебе, а в седьмой год отпусти его от себя на свободу». – *Примеч. пер.*

завтрак *(фр.)*.

28

ZOMO – моторизированные отряды гражданской милиции (1956–1989 гг.). Внутренние войска милиции, созданные для ликвидации беспорядков. – *Примеч. пер.*

29

Collegium Novum – одно из зданий Ягеллонского университета, построено в 1883–1887 гг. Нынешняя резиденция ректора. – *Примеч. пер.*

30

«Акрополь» – десятиэтажное студенческое общежитие в Кракове в студгородке. – *Примеч. пер.*

31

«Не вноси платы блудницы и цены пса в дом Господа Бога твоего ни по какому обету, ибо то и другое есть мерзость пред Господом Богом твоим». – *Примеч. пер.*

32

Да здравствует Италия! *(ит.)*

33

Молись и трудись *(лат.)* – девиз основателя ордена бенедиктинцев св. Бенедикта Нурсийского. – *Примеч. пер.*

34

Жулавский Анджей (р. 1940 г., г. Львов) – известный польский кинорежиссер и сценарист. Учился в Париже, работал с А. Вайдой. В 1972 г. его фильм «Дьявол» был запрещен в Польше цензурой. После того, как были приостановлены съемки фильма «На серебряном шаре» (1977), Жулавский уехал во Францию, где снял ряд фильмов с участием звезд французского кино. В 1996 г., вернувшись в Варшаву, снял фильм «Шаманка», сценарий для которого написала Мануэла Гретковская. – *Примеч. пер.*

35

«Пистис София» – буквально: «Вера Мудрость» *(греч.)*. Коптский манускрипт, написанный предположительно во II–III вв. н. э., хранится в Британском музее. Документ валентианской, или орфической, школы гностицизма. – *Примеч. пер.*

«Святые спутники Христа» *(фр.)*.

партизаны *(исп.)*.

38

«Образ святой Марии Магдалины в иудео-христианском гностицизме» *(фр.)*.

39

Поляки *(фр.)*.

40

Товьяньский Анджей Томаш (1799–1878) – польский философ, мистик, основатель религиозно-мистического течения (товянизм), оказавший сильное влияние на польский романтизм, в частности – на творчество Адама Мицкевича. В 1841 г., будучи в эмиграции в Париже, провозгласил начало новой, высшей эпохи христианства и основал кружок своих последователей. – *Примеч. пер.*

41

Хёне-Вроньский Юзеф Мария (1778–1853) – польский философ, математик и мистик, основатель польского мессианизма. С 1800 г. жил во Франции, где разработал свою философскую систему. Бытие и познание выводил из Абсолюта, который понимал либо как Бога, либо как дух, разум, вещь в себе. На работы Хёне-Вроньского ссылался в своих книгах известный французский мистик Жерар Анкосс (Папюс). – *Примеч. пер.*

42

Яносик – главарь шайки разбойников, главный герой популярной кинокомедии, действие которой происходит в XVIII в. – *Примеч. пер.*

43

«Я не говорю по-немецки» – смесь французского и немецкого языков. – *Примеч. пер.*

Тело Христово *(лат.)*.

45

Да здравствует любовь! *(фр.)*

тишина *(лат.)*.

47

Душ! Душ! *(фр.)*